

Нескромные сокровища

Автор:

[Дени Дидро](#)

Нескромные сокровища

Дени Дидро

100 великих романов

Дени Дидро (1713—1784) – французский писатель, философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Его энциклопедические знания не помешали ему написать остроумный фривольный роман в духе нравов светского общества Франции эпохи Людовика XV.

Старый колдун дарит императору перстень, наделенный таинственной силой вызывать на откровение любую женщину и проверить ее добродетельность. И вот «нескромные сокровища» обретают дар речи и начинают рассказывать о любовных приключениях своих владельцев такое...

Дени Дидро

Нескромные сокровища

Роман

К Зиме

Зима, воспользуйтесь удобной минутой. Ага Наркис беседует с вашей матерью, а ваша гувернантка подстерегает на балконе возвращение вашего отца; берите, читайте, не бойтесь ничего. Но если найдут у вас «Нескромные сокровища», спрятанные за туалетным столом, вы думаете, это удивит кого-нибудь? Нет, Зима, нет, – известно, что «Софа», «Танзай» и «Исповедь»[1 - «Софа» (1745) и «Танзай и Неадарне» (1732) – романы французского писателя Клода Кребийона-сына (1707–1777); «Исповедь» – «Исповедь графа де ***» (1762) – роман Шарля Дюкло (1704–1772).] были под вашим изголовьем. Вы еще колеблетесь? Узнайте же, что Аглая не побрезговала приложить руку к труду, который вы принимаете, краснея. «Аглая, – говорите вы, – добродетельная Аглая». Она самая. В то время как Зима скучала, а может быть, и впадала в соблазн наедине с молодым бонзой Аллелуйа, Аглая, невинно забавляясь, посвящала меня в приключения Заиды, Альфаны, Фанни и т. д., снабдила кое-какими черточками, которые мне нравятся в «Истории» Мангогула, пересмотрела ее и указала, как ее улучшить. И если Аглая, одна из самых добродетельных и наименее склонных к назиданиям женщин Конго, она также одна из наименее претендующих на остроумие и наиболее остроумных. Неужели Зиме теперь вздумается разыгрывать скромницу? Еще раз, Зима, берите, читайте, читайте все: я не делаю исключения даже для речей странствующего «Сокровища», которые вам истолкуют так, что это не нанесет ущерба вашей добродетели, если только истолкователем его не будет ни ваш духовник, ни ваш любовник.

Глава первая

Рождение Мангогула

Гяуф Зелес Танзай долго царствовал над великой Чечней; и пока этот сластолюбивый государь предавался наслаждениям, Акажу, короля Минутии, постиг жребий, предсказанный ему отцом его. Зульмис отжил свой век. Граф де... еще был жив. Великолепные Ангола, Мизапиф и другие властители Индии и Азии умерли внезапно. Народы, уставшие повиноваться безмозглым государям, сбросили иго их власти, и потомки этих несчастных монархов бродили, никому неизвестные, почти позабытые, по областям своих империй. Только внук знаменитой Шехерезады утвердился на троне. Он правил в Моголе под именем

Шахбагама, когда Мангогул родился в Конго. Как мы видим, гибель нескольких государей печально ознаменовала его рождение. Эрgebзед, отец его, не созывал фей к колыбели сына, так как заметил, что большинство государей того времени, воспитание которых было поручено этим женским умам, оказались глупцами. Он удовольствовался тем, что заказал гороскоп некоему Кодендо, личности, которую приятнее изображать, чем знать в жизни.

Кодендо стоял во главе коллегии гаруспиков[2 - Гаруспики - жрецы Древнего Рима, предсказывавшие будущее по внутренностям животных.] Банзы, бывшей истари столицей империи. Эрgebзед назначил ему большую пенсию и пожаловал ему и его потомкам за заслуги его двоюродного деда, превосходного повара, великолепный замок на границе Конго. Кодендо был обязан следить за полетом птиц и состоянием неба и сообщать об этом двору, что он исполнял довольно плохо. Если правда, что в театрах Банзы шли самые лучшие пьесы, а театральные залы были самыми скверными во всей Африке, то, наоборот, местная коллегия жрецов была наилучшей в мире, а предсказания ее наихудшими.

Кодендо, узнав о том, чего хотели от него во дворце Эрgebзеда, отправился туда, весьма удрученный, так как бедняга умел читать по звездам не лучше, чем мы с вами. Его поджидали с нетерпением. Первые сановники двора собрались в апартаментах великой султанши. Богато наряженные женщины окружали колыбель младенца. Придворные спешили поздравить Эрgebзеда с великой судьбой его сына, о которой он, без сомнения, узнает. Эрgebзед был отцом и находил естественным, чтобы в неясных чертах ребенка читали то, чем он некогда будет.

Наконец, Кодендо явился.

- Подойдите, - сказал ему Эрgebзед. - Как только небо даровало мне принца, которого вы видите, я велел со всей бдительностью отнестись к минуте его рождения, о чем вас должны были уже уведомить. Говорите искренно с вашим повелителем и смело возвестите ему судьбы, уготованные небом его сыну.

- Великодушный султан, - отвечал Кодендо, - принц, рожденный от родителей столь же знаменитых, сколь и счастливых, не может иметь иных судеб, кроме великих и благоприятных. Но я ввел бы в заблуждение ваше величество, если бы украсил себя наукой, которой не владею. Звезды восходят и заходят для меня так же, как и для других людей, и для меня будущее не яснее, чем для самых

невежественных из ваших подданных.

- Но, - прервал его султан, - разве вы не астролог?

- Великодушнейший государь, - отвечал Кодендо, - я не имею чести им быть.

- Но кто же вы, черт возьми? - воскликнул старый, но горячий Эрgebзед.

- Гаруспик.

- Тьфу, пропасть! Мне и в голову не приходило, что вы этим занимаетесь. Слушайте, господин Кодендо, оставьте вы в покое ваших цыплят и определите судьбу моего сына, как вы определили недавно бронхит у попугая моей жены.

В ту же минуту Кодендо вытащил из кармана лупу, взялся за левое ушко ребенка, протер глаза, повертел в руках очки, стал разглядывать левое ухо, потом правое и произнес:

- Царствование молодого принца будет счастливо, если только оно будет продолжительным.

- Я понимаю вас, - сказал Эрgebзед, - мой сын совершит прекраснейшие деяния в мире, если у него будет на это время. Но, черт побери, я именно и хочу, чтобы мне сказали, хватит ли у него на это времени. Но если ему суждено умереть, не все ли мне равно, был ли бы он величайшим государем, останься он в живых... Я вас призвал для того, чтобы получить гороскоп моего сына, а вы читаете над ним надгробную речь.

Кодендо выразил сожаление об ограниченности своих познаний, но умолял его величество принять во внимание, что и этого вполне достаточно, так как он лишь недавно сделался гадателем. И в самом деле, кем был до того времени Кодендо?

Глава вторая

Воспитание Мангогула

Я не буду останавливаться на первых годах жизни Мангогула. Детство у принцев такое же, как и у других людей, вплоть до того, что принцам дано изрекать множество прекрасных вещей, прежде чем они научатся говорить. Так, сын Эрgebзед, когда ему едва исполнилось четыре года, дал уже материал для целой «Мангогулиады». Эрgebзед, будучи умным человеком и не желая, чтобы воспитание его сына велось так же небрежно, как его собственное, заранее созвал к своему двору и удержал при нем значительными пенсиями всякого рода выдающихся людей, какие только нашлись в Конго: художников, философов, поэтов, музыкантов, архитекторов, учителей танцев, математиков, историков, преподавателей военных наук и т. д. Благодаря своим счастливым способностям и продолжительным урокам наставников, Мангогул не упустил ничего из тех познаний, какие молодой принц обычно приобретает в первые пятнадцать лет своей жизни, и умел к двадцати годам пить, есть и спать не хуже всякого властелина его возраста.

Эрgebзед, обремененный тяжестью лет, начал чувствовать и тяжесть короны: устав держать бразды правления, напуганный народными волнениями, ему угрожавшими, полный доверия к необыкновенным способностям Мангогула и движимый религиозным чувством, этим верным симптомом близкой смерти, или просто бессмысленной прихотью, свойственной великим мира сего, покинул трон, чтобы посадить на него сына. Этот добрый государь считал своим долгом замолить в своем уединении грехи правления самого справедливого из тех, о которых сохранилась память в анналах Конго.

Мангогул начал царствовать в 150000003200001 году от сотворения мира, в 3900000700003 году от основания государства Конго; он был 1 234 500-м представителем своего рода по прямой линии.

Частые совещания с министрами, ведение войн, управление делами научили его в очень короткий срок тому, что ему еще оставалось узнать, выйдя из рук педагогов, – а это вещи немаловажные.

Меньше чем в десять лет Мангогул приобрел репутацию великого человека. Он выигрывал сражения, брал города, увеличил свою империю, усмирил провинции, привел в порядок финансы, содействовал расцвету наук и искусств, воздвигал здания, обессмертил себя полезными учреждениями, утвердил и исправил

законы, учредил даже академии и, чего никогда не могли понять ученые его университета, осуществил все это, не зная ни слова по-латыни.

Мангогул был так же любезен в своем серале, как велик на троне. Он не руководился в своем поведении смешными обычаями родной страны. Он раскрыл двери дворца, где жили его жены, он выгнал оскорбительных стражей их добродетели, он благоразумно доверил их верность им же самим: в их апартаменты был такой же свободный доступ, как в какой-нибудь монастырь фландрских канонес, и нравы там были, конечно, такие же строгие. И это было, без сомнения, очень мудро. Что это был за добрый султан! Не было ему подобных, разве только в некоторых французских романах. Он был мягок, приветлив, весел, галантен, красив собой; созданный для удовольствий, он любил их и обладал таким умом, какого не было у всех его предшественников, вместе взятых.

Вполне понятно, что при стольких редких достоинствах многие женщины желали победы над ним; некоторые из них в этом успели. Те, которые упустили его сердце, постарались утешиться с сановниками его двора. Молодая Мирзоа была из числа первых. Я не стану забавляться подробным описанием качеств и прелестей Мирзоа, мой труд оказался бы бесконечным, а я хочу, чтобы он имел конец.

Глава третья,

которую можно рассматривать как первую в этой книге

Мирзоа владела сердцем Мангогула уже несколько лет. Любовники говорили и повторяли друг другу тысячу раз все, что необузданная страсть внушает самым умным людям. Они дошли до полной откровенности и сочли бы преступлением утаить друг от друга самое незначительное событие своей жизни. Не раз они высказывали друг другу странные предположения:

«Если бы небо, возведшее меня на трон, осудило меня родиться в низком положении, снизошли бы вы до меня? Увенчали бы вы меня, Мирзоа?»

«Если бы Мирзоза утратила те незначительные прелести, какие в ней находят, продолжал бы Мангогул любить ее до конца?»

Такие предположения, – говорю я, – которые по вкусу изобретательным любовникам, приводят к ссоре наиболее нежных и часто заставляют лгать наиболее искренних, – были у них в ходу.

Фаворитка, в высокой степени обладавшая редким и ценным талантом хорошо рассказывать, исчерпала всю скандальную хронику Банзы. Так как она не отличалась большим темпераментом, она не всегда была расположена к ласкам султана, да и султан не всегда бывал расположен их оказывать. Бывали дни, когда Мангогул и Мирзоза не знали, о чем говорить, что делать, и, хотя они по-прежнему любили друг друга, ничто их не забавляло. Такие дни выпадали редко. Но все же они бывали. И вот однажды наступил такой день.

Султан лежал, небрежно раскинувшись на кушетке, против фаворитки, которая занималась вязанием, не говоря ни слова. Погода не позволяла гулять. Мангогул не решался предложить партию пикета. Около четверти часа длилось это угрюмое молчание, наконец, султан, зевнув несколько раз, заговорил:

– Надо признать, что Желиот[З - Желиот Пьер (1711–1782) – оперный певец, исполнитель главных партий в операх Жана Филиппа Рамо (1683–1764), Жана Жозефа Кассанеа де Мондонвиля (1711–1772) и др.] пел, как ангел.

– И что ваше высочество умираете от скуки, – прибавила фаворитка.

– Нет, мадам, – возразил Мангогул, полузевая, – минуты, когда видишь вас, не могут быть минутами скуки.

– От вас ничего нельзя ждать, кроме галантности, но вы задумчивы, рассеянны, зеваете. Что с вами, государь?

– Сам не знаю, – сказал султан.

– А я догадываюсь, – продолжала фаворитка. – Мне было восемнадцать лет, когда я имела счастье вам понравиться. Уже четыре года, как вы любите меня. Восемнадцать да четыре – двадцать два. Я уже порядком состарилась.

Это вычисление заставило Мангогула улыбнуться.

– Но если я уже не гожусь для наслаждений, – прибавила Мирзоза, – я хочу вам, по крайней мере, поставить на вид, что я очень хороша как советчица. Разнообразие удовольствий, которыми наполнены ваши дни, не избавило вас от насыщения. Вы пресыщены. Вот ваша болезнь, государь.

– Я не согласен с вашими предположениями, – сказал Мангогул, – но если бы это была правда, знаете ли вы какие-нибудь лекарства от этого?

Подумав с минуту, Мирзоза ответила султану, что его высочеству, как ей показалось, очень прихлились по душе рассказы о галантных похождениях в их городе, а потому она очень жалеет, что у нее нет их больше в запасе, что она недостаточно осведомлена о приключениях при дворе, но что прибегла бы и к этому средству в ожидании чего-нибудь лучшего.

– Я нахожу это средство хорошим, – сказал Мангогул, – но кто знает историю всех этих сумасбродок? И если бы они были известны, кто расскажет мне их так, как вы?

– И все же давайте познакомимся с ними, – сказала Мирзоза. – Кто бы их ни рассказывал, я уверена, что вы, ваше высочество, выиграете в отношении содержания то, что проиграете в смысле формы.

– Нам с вами, если захотите, нетрудно вообразить, что у моих придворных дам могут быть очень забавные приключения, – сказал Мангогул, – но как бы они ни были забавны, что толку, раз невозможно с ними познакомиться?

– Здесь могут встретиться затруднения, – ответила Мирзоза, – но я думаю, что нет ничего невозможного. Гений Кукуфа, ваш родственник и друг, делал вещи еще более трудные.

– О радость моего сердца, – воскликнул султан, – вы восхитительны! Я не сомневаюсь, что гений обратит все свое могущество мне на пользу. Я сейчас же запрусь в моем кабинете и призову его.

Затем Мангогул встал, поцеловал фаворитку, по обычаям Конго, в левый глаз и удалился.

Глава четвертая

Вызов гения

Гений Кукуфа, старый ипохондрик, опасаясь, как бы светская суতোлка и общение с другими гениями не помешали его спасению, укрылся в уединении, чтобы всласть заняться усовершенствованием Великой Пагоды, щипать, царапать себя, выкидывать разные шутки, скучать, беситься и издыхать с голоду. Там он лежит на циновке, зашитый в мешок, бока его стиснуты веревкой, руки скрещены на груди, голова закрыта капюшоном, из-под которого выглядывает только кончик бороды. Он спит, но можно подумать, что он созерцает. У него нет другого общества, кроме совы, дремлющей у его ног, нескольких крыс, грызущих его подстилку, и летучих мышей, кружащихся над его головой; его вызывают, произнося под звуки колокола первый стих ночного богослужения браминов. Тогда он подымает свой капюшон, протирает глаза, надевает сандалии и отправляется в путь.

Представьте себе старого камальдула[4 - Камальдул – камальдулы или камальдолиты – члены монашеского ордена со строгим уставом, основанного в начале XI в. бенедиктинским монахом св. Ромуальдом (ум. в 1027) в камальдольской долине близ итальянского города Ареццо.], который летит по воздуху, держась за ноги двух больших сов. В таком виде Кукуфа появился перед султаном.

– Благословение Браммы да будет с нами, – сказал он, спускаясь на землю.

– Аминь, – отвечал государь.

– Чего вы хотите, мой сын?

– Очень простую вещь, – сказал Мангогул. – Дайте мне возможность потешиться над моими придворными дамами.

– Э, сын мой, – возразил Кукуфа, – у вас одного больше аппетита, чем у целого монастыря браминов. Что вы думаете делать с этим стадом сумасбродок?

– Узнать от них, какие у них теперь похождения и какие были раньше. Это – все.

– Но это невозможно, – сказал гений, – бесполезно желать, чтобы женщины исповедовались в своих приключениях, – этого никогда не было и не будет.

– Нужно, однако, чтобы это было, – добавил султан.

Гений задумался, почесывая за ухом и рассеянно перебирая пальцами длинную бороду. Его размышление было непродолжительным.

– Сын мой, – сказал он Мангогулу, – я люблю вас, вы будете удовлетворены.

Через минуту он опустил правую руку в свой глубокий карман под мышкой, с левой стороны платья, и вытащил оттуда, вместе с иконками, освященными зернами, маленькими свинцовыми пагодами и заплесневелыми конфетами, серебряный перстень, который Мангогул принял сначала за кольцо св. Губерта[5 – Согласно поверью, кольцо и ключ святого Губерта, епископа Льежского, предохраняли от бешенства.].

– Видите вы это кольцо? – спросил он султана. – Наденьте его себе на палец, мой сын. Все женщины, перед которыми вы повернете его камень, поведают вам свои похождения громко, ясно и понятно, но не думайте, что они будут говорить с вами ртом.

– Но чем же, черт возьми, будут они говорить?

– Самой откровенной частью, какая у них есть, и наиболее осведомленной о вещах, какие вы желаете знать, – сказал Кукуфа, – своим сокровищем.

– Своим сокровищем! – подхватил султан, разразившись смехом. – Говорящее сокровище! Это неслыханная вещь!

– Сын мой, – сказал гений, – я делал много чудес ради вашего деда: полагайтесь на мои слова, идите, и да благословит вас Брама. Воспользуйтесь как следует

своим секретом и помните о том, что любопытство может повести к худу.

Сказав это, ханжа покачал головой, надвинул капюшон, уцепился за ноги сов и исчез в вышине.

Глава пятая

Опасное искушение Мангогула

Как только Мангогул завладел таинственным перстнем Кукуфы, у него явилось искушение сделать первый опыт над фавориткой. Я забыл сказать, что, кроме способности заставлять говорить сокровище женщин, на которых направляли драгоценный камень перстня, у последнего было еще другое свойство – он делал невидимым человека, носившего его на мизинце. Таким образом, Мангогул в мгновение ока мог перенестись в сотню мест, где его не ожидали, и видеть своими глазами много таких вещей, какие обыкновенно происходят без свидетелей: ему стоило только надеть кольцо и произнести: «Хочу быть там-то», – в то же мгновение он туда переносился. И вот он у Мирзозы.

Мирзоза, не ожидавшая султана, была уже в постели. Мангогул тихонько приблизился к ее изголовью и увидел при свете ночника, что она уснула.

– Отлично, – сказал он, – она спит. Живо наденем кольцо на другой палец, примем прежний вид, направим камушек на спящую красавицу и разбудим ее сокровище... Но что останавливает меня? Я дрожу... Возможно ли, что Мирзоза... Нет, это невозможно. Мирзоза мне верна. Удалитесь, оскорбительные сомнения! Я не хочу, я не должен вас слушать! – Сказав это, он поднес руку к перстню, но сейчас же отдернул ее, как от огня, и мысленно воскликнул: – Что я делаю, несчастный! Я пренебрегаю советом Кукуфы. Чтобы удовлетворить глупое любопытство, я рискую потерять возлюбленную и жизнь. Если ее сокровище понесет какой-нибудь вздор, я не смогу ее больше видеть и умру от печали. А кто знает, что скрывается в душе сокровища?

Волнение Мангогула не позволяло ему следить за собой, он произнес последние слова довольно громко, и фаворитка проснулась.

– Ах, государь, – сказала она, более обрадованная, чем удивленная его присутствием. – Это вы? Почему меня не известили о вашем приходе? Вам ли ожидать моего пробуждения?

Мангогул сообщил фаворитке об успешности свидания с Кукуфой, показал ей полученный от него перстень и не скрыл ни одного из его свойств.

– О, какой дьявольский секрет вручил он вам! – вскричала Мирзоа. – Но, государь, думаете ли вы пустить его в ход?

– Как, черт возьми! Думаю ли я пустить его в ход? Я начну с вас, если вы мне позволите.

Фаворитка при этих ужасных словах побледнела, задрожала, потом овладела собой и стала заклинать султана Брамой и всеми пагодами Индии и Конго не подвергать ее испытанию, что было бы недостатком доверия к ее верности.

– Если я всегда была благоразумна, – продолжала она, – сокровище мое промолчит, а вы нанесете мне оскорбление, которого я вам никогда не прощу. Если оно заговорит, я потеряю ваше уважение, ваше сердце, и вы будете от этого в отчаянии. До сих пор, как мне кажется, наша связь приносила вам только радость. Зачем же подвергать ее опасности разрыва? Государь, поверьте мне, последуйте совету гения; у него большой опыт, а следовать советам гениев всегда полезно.

– Это самое я себе говорил, когда вы проснулись, – ответил Мангогул. – Однако, если бы проспали двумя минутами дольше, я не знаю, что бы из этого вышло.

– Вышло бы то, – сказала Мирзоа, – что мое сокровище ничего бы вам не сказало, а вы потеряли бы меня навсегда.

– Может быть, – отвечал Мангогул, – но теперь, когда я вижу, какой опасности я избежал, клянусь вам вечным божеством, что вы будете исключены из числа тех, на которых я направлю перстень.

Мирзоа успокоилась и начала подшучивать над сокровищами, какие государь собирался подвергнуть испытанию.

– Сокровище Сидализы, – говорила она, – может очень много рассказать. И если оно так же нескромно, как его обладательница, оно не заставит себя долго просить. Сокровище Гарию уже удалилось от света, и ваше высочество услышит от него только старушечью болтовню. Что касается сокровища Глосеи, его стоит порасспросить, она кокетлива и красива.

– И, вероятно, по этой причине, – сказал султан, – ее сокровище будет немо.

– Тогда обратитесь к сокровищу Федимы, – сказала султанша, – она проказлива и безобразна.

– Да, – продолжал султан, – настолько некрасива, что надо быть такой злой, как вы, чтобы обвинить ее в проказах. Федима добродетельна; это говорю вам я, так как знаю кое-что об этом.

– Глаза ее ввели вас в заблуждение, – резко возразил султан. – Вы меня выводите из терпения вашей Федимой. Можно подумать, что нет других сокровищ для испытания.

– Можно ли, не оскорбляя ваше высочество, – сказала Мирзоза, – спросить, кого бы вы почтили своим выбором?

– Это мы вскоре увидим, – отвечал Мангогул, – в кругу Манимонбанды (так называют в Конго старшую султаншу). Их хватит на долгое время, и когда нам наскучат сокровища моего двора, мы сможем сделать обход Банзы; может быть, сокровища у буржуазок окажутся более благоразумными, чем у герцогинь.

– Государь, – возразила Мирзоза, – я немного знаю первых и могу вас уверить, что они только более осмотрительны.

– Скоро мы все про них узнаем. Но я не могу удержаться от смеха, – продолжал Мангогул, – когда представляю изумление и смущение этих женщин при первых словах их сокровищ. Ха-ха-ха! Имейте в виду, услада моего сердца, что я буду ждать вас у старшей султанши и что я не пущу в ход перстня, пока вы не придете.

– Во всяком случае, государь, я рассчитываю на ваше слово, – сказала Мирзоа.

Ее тревога заставила Мангогула улыбнуться. Он подтвердил свое обещание и, приласкав ее, удалился.

Глава шестая

Первая проба кольца

Альсина

Мангогул пришел первый к старшей султанше. Он застал женщин за игрой в каваньюлу[б - Каваньола – азартная игра, напоминающая бириби и лото.], пробежал глазами по всем, чья репутация была установлена, решив остановиться на одной из них, и только затруднялся в выборе. Он не знал, с кого начать, когда заметил в нише молодую даму из дворца Манимонбанды. Она шутила со своим супругом. Это показалось странным султану, так как прошла уже неделя, как они поженились. Они показывались в одной ложе в опере, в одной коляске на проспекте или в Булонском лесу, они закончили визиты, и обычай освобождал их от любви и даже от встреч.

– Если это сокровище так же легкомысленно, как его обладательница, – сказал про себя Мангогул, – мы услышим очень забавный монолог. – В этом месте его собственного монолога появилась фаворитка.

– Добро пожаловать, – шепнул султан ей на ухо. – Я сделал выбор в ожидании вас.

– На кого же он пал? – спросила Мирзоа.

– На этих людей, которые забавляются в нише, – ответил ей Мангогул, мигнув в их сторону.

– Хорошее начало, – сказала фаворитка.

Альсина (так звали молодую даму) была жизнерадостна и красива. При дворе султана не было женщины более приветливой и большей проказницы, чем она. Один из эмиров султана влюбился в нее. Его не оставили в безызвестности о том, что говорила скандальная хроника. Он был встревожен, но последовал обычаю: спросил у своей возлюбленной, что он должен о ней думать. Альсина поклялась ему, что это была клевета со стороны некоторых фатов, которые молчали бы, если бы у них не было о чем говорить; что, наконец, она с эмиром еще ничем не связана и он волен думать все, что ему угодно. Этот уверенный ответ убедил влюбленного эмира в невинности его возлюбленной. Он принял окончательное решение и титул супруга Альсины со всеми его прерогативами.

Султан направил кольцо на нее. Громкий взрыв смеха Альсины над двусмысленными шутками мужа был сразу оборван действием кольца. И сейчас же послышался шепот из-под ее юбок:

– Вот я, наконец, титулованная особа. Поистине, это меня чрезвычайно радует. Прежде всего надо создать себе положение в свете. Если бы вняли моим первым желанием, нашли бы, что я стою большего, чем эмир. Но лучше эмир, чем ничего.

При этих словах все женщины оставили игру и стали прислушиваться, откуда исходит голос. Это движение произвело большой шум.

– Тише, – сказал Мангогул, – это заслуживает внимания.

Воцарилась тишина, и сокровище продолжало:

– Вероятно, супруга надо почитать за очень важного гостя, если судить по мерам, какие были приняты перед его приходом. Сколько приготовлений! Какое обилие миртовой воды! Еще недели две такого режима, и меня не стало бы, я исчезло бы, и господин эмир должен был бы искать себе другого помещения или отправить меня на остров Жонкиль[7 - Остров Жонкиль – Место действия в романе Кребийона-сына «Танзай и Неадарне»].

Здесь автор говорит, что все женщины побледнели, молча переглянулись и приняли серьезный вид, который он приписывает боязни, чтобы беседа не завязалась и не сделалась общей.

– Однако, – продолжало свою речь сокровище Альсины, – мне казалось, что эмиру вовсе не было нужно, чтобы ради него пускались на такие ухищрения; но я узнаю в этом осторожность моей обладательницы, она все доводит до крайности; но меня готовили для эмира так, словно предназначали для его стремянного.

Сокровище хотело продолжать свои несуразные речи, когда султан, заметивший, что стыдливая Манимонбанда скандализирована этой странной сценой, прервал оратора, повернув кольцо. Эмир исчез при первых словах сокровища его жены. Альсина, не растерявшись, сделала вид, будто впала в обморочное состояние. Женщины шептались о том, что у нее припадок.

– Да, это припадок, – сказал петиметр. – Сиконь называет такие припадки истерическими. Это, так сказать, явления, которые исходят из нижней области. У него есть против этого божественный эликсир, – это первоначальное, первополагающее, первополагаемое, которое оживляет, которое... Я предложу его сударыне.

Все улыбнулись этой шутке, а наш циник продолжал:

– Это сущая правда, сударыня. Я, говорящий с вами, употреблял его вследствие убыли субстанции.

– Убыли субстанции?

– Господин маркиз, – отозвалась одна молодая особа, – что же это такое?

– Сударыня, – отвечал маркиз, – это один из тех маленьких неожиданных случаев, которые бывают. Ну, да это известно всем на свете.

Между тем симулированный обморок пришел к концу. Альсина присоединилась к игре без тени смущения, как если бы ее сокровище ничего не говорило или сказало бы что-нибудь очень приятное. И только она одна играла без рассеянности. Эта партия принесла ей значительную сумму. Другие не отдавали себе отчета, что делают, не узнавали фигур, забывали цифры, не обращали внимания на выигрыш, платили, где не нужно, и совершали тысячу других оплошностей, которыми Альсина пользовалась. Наконец, игра кончилась, и все разошлись.

Это происшествие наделало много шума при дворе, в городе и во всем Конго. Появились эпиграммы: речь сокровища Альсины была опубликована, просмотрена, исправлена, дополнена и комментирована придворными любезниками. Сложили песенку про эмира. Обессмертили его жену. Указывали на нее в театрах, бегали вслед за нею на прогулках. Теснились вокруг нее, и она слышала шепот со всех сторон: «Вот она! Она самая. Ее сокровище говорило больше двух часов подряд».

Альсина выносила свою новую репутацию с удивительным хладнокровием. Она слушала все эти замечания и еще многие другие с таким спокойствием, какого не было ни у одной из женщин. Они ожидали каждую минуту какой-нибудь нескромности со стороны своих сокровищ. Но происшествие, описываемое в следующей главе, усилило их тревогу.

Когда гости разошлись, Мангогул подал руку фаворитке и отвел ее в апартаменты. У Мирзозы не было радостного оживления, которое обыкновенно не покидало ее. Она основательно проигралась, и ужасное действие перстня погрузило ее в задумчивость, из которой она не успела выйти. Она знала любопытство султана и не рассчитывала на обещания человека, чья влюбленность была менее сильна, чем его деспотизм, – и это продолжало ее беспокоить.

– Что с вами, услада души моей? – спросил Мангогул. – Я нахожу, что вы очень задумчивы.

– Мне исключительно не везло в игре, – отвечала Мирзоза. – Я упустила свой шанс: я ставила на двенадцать табло, а они, кажется, и трех раз не выиграли.

– Это очень прискорбно, – сказал Мангогул. – Но что вы скажете о моем секрете?

– Государь, – отвечала фаворитка, – я продолжаю считать его дьявольщиной: без сомнения, он позабавит вас, – но эти забавы будут иметь губительные последствия. Вы собираетесь внести смуту во все дома, раскрыть глаза мужьям, привести в отчаяние любовников, погубить женщин, обесчестить девушек и натворить тысячи других бед... Ах, государь, я заклинаю вас...

– Э, полноте, – сказал Мангогул, – вы морализируете, как Николь[8 - Николь Пьер (1625 или 1628–1695) – французский теолог и моралист, автор трактатов «Опыты о морали» и «Логика Пор-Рояля»; последний написан в соавторстве с янсенистом Антуаном Арно (1612–1694).]. Я очень хотел бы знать, почему интересы ваших ближних сегодня вас так близко затрагивают. Нет, сударыня, нет. Я сохраню свой перстень. Что мне до этих прозревших мужей, до отчаявшихся любовников, погубленных женщин и обещанных девушек, раз меня это забавляет? Султан я или нет? До завтра, сударыня. Будем надеяться, что следующие сцены будут более комичны, чем первая, и что незаметно вы войдете во вкус.

– Я не думаю этого, государь, – сказала Мирзоза.

– А я ручаюсь вам, что вы встретите занимательные сокровища, настолько занимательные, что не откажетесь выслушать их. А что бы с вами было, если бы я отрядил их к вам в качестве посланниц? Я вас избавлю, если хотите, от скуки их напыщенных речей. Но о похождениях сокровищ вы услышите из их уст – или из моих. Это решено. Я ничего не могу изменить. Возьмите на себя труд свыкнуться с этими новыми собеседницами.

С этими словами он поцеловал ее и прошел в свой кабинет, размышляя об опыте, который только что произвел, и принося благочестивую благодарность гению Кукуфа.

Глава седьмая

Вторая проба кольца

Алтари

На другой день Мирзоза давала интимный ужин. Приглашенные рано собрались в ее апартаменты. До вчерашнего чуда они охотно сходились у нее, – в этот вечер все пришли только из приличия, у женщин был принужденный вид, они говорили односложно. Все были начеку и ждали с минуты на минуту, что чье-нибудь сокровище вмешается в беседу.

Несмотря на сильнейшее желание посудачить насчет скандального приключения с Альсиной, ни одна из присутствующих не решалась заговорить о нем первая. Не потому, что их удерживало ее присутствие; хотя имя ее было вписано в лист приглашенных, она не появилась на вечере. Легко было угадать, что ей помешала мигрень. Однако, потому ли, что уменьшилось чувство опасности, так как целый день говорили только рты, или потому, что пришла на помощь напускная смелость, беседа, бывшая вначале в полном упадке, понемногу оживилась. Женщины, наиболее внушавшие подозрение, приняли вид, полный достоинства и уверенности в себе. Мирзоа обратилась к придворному Зегрису с вопросом, нет ли чего интересного.

- Сударыня, - ответил Зегрис, - вы слышали о предстоящем браке аги Шазура с молодой Сибириной. Было бы вам известно, что все уже рухнуло.

- Из-за чего же? - прервала его фаворитка.

- Из-за странного голоса, - продолжал Зегрис, - который Шазур, по его словам, слышал во время туалета своей повелительницы. Со вчерашнего дня двор султана полон людьми, которые ходят, наострив уши, в надежде услышать, не знаю каким образом, признания, которых, без сомнения, ни у кого нет охоты делать.

- Но это безумие, - возразила фаворитка. - Позор Альсины, если можно говорить о позоре, ничуть не доказан; это дело еще не расследовано...

- Сударыня, - прервала ее Зельмаида, - я слышала ее совершенно ясно: она говорила, не открывая рта: факты были изложены вполне отчетливо, и было нетрудно догадаться, откуда исходил этот странный голос. Уверяю вас, на ее месте я бы умерла.

- Умерла! - сказал Зегрис. - Не умирают и при худших обстоятельствах.

- Как! - воскликнула Зельмаида. - Что может быть ужаснее нескромности сокровища? Тут нет середины: нужно либо отказаться от легкомысленных забав, либо пойти на то, чтобы прослыть легкомысленной.

- В самом деле, - сказала Мирзоа, - альтернатива ужасна.

– Нет, нет, сударыня, – отозвалась одна из присутствующих, – вы увидите, что женщины примирятся с этим. Сокровищам будет предоставлено болтать сколько им угодно, и все пойдет своим чередом, что бы ни говорил свет. И в конце концов, не все ли равно, сокровище ли женщины или ее любовник окажется нескромным? Разве от этого больше будет огласки?

– По зрелом обсуждении, – продолжала другая, – надо признать, что если похождения женщины должны быть разглашены, то лучше, чтобы это сделало ее сокровище, чем ее любовник.

– Странная мысль, – заметила фаворитка.

– Но верная, – прибавила та, которая осмелилась ее высказать. – Потому что, примите во внимание, обыкновенно любовник бывает чем-то недоволен прежде, чем стать нескромным, и, чтобы отомстить, он все преувеличивает, между тем как сокровище говорит бесстрастно и ничего не привирает.

– Что касается меня, я держусь другого мнения, – сказала Зельмаида, – виновного губит не столько важность обвинений, сколько вескость показаний. Любовник, который бесчестит своими речами алтарь, на котором он священнодействовал, – нечестивец, не заслуживающий никакого доверия; но когда свидетельствует сам алтарь, что можно ему возразить?

– Что алтарь сам не знает, что говорит, – сказала вторая собеседница.

Тут Монима прервала молчание, которое хранила до сих пор, и медленно произнесла небрежным тоном:

– Ах, пускай мой алтарь, раз уж он алтарь, говорит или молчит, я не боюсь его речей.

В это мгновение вошел Мангогул, и от него не ускользнули последние слова Монины. Он повернул свое кольцо над нею, и все услышали, как ее сокровище закричало:

– Не верьте этому: она лжет.

Соседки ее переглянулись и стали спрашивать одна другую, кому принадлежит сокровище, только что издавшее голос.

- Не мне, - сказала Зельмаида.

- Не мне, - сказала вторая собеседница.

- Не мне, - сказала Монима.

- Не мне, - сказал султан.

Все упорно отнекивались, не исключая фаворитки.

Воспользовавшись этой невыясненностью, султан обратился к дамам:

- Вы обладаете алтарями, - сказал он. - Хорошо, какие же совершались в них службы?

Говоря это, он стал быстро направлять перстень в последовательном порядке на всех женщин, исключая Мирзозу. И каждое сокровище отзывалось по очереди; слышались различные голоса:

- Меня посещают слишком часто...

- Меня истерзали...

- Меня покинули...

- Меня надушили.

- Меня утомили.

- Меня плохо обслуживают...

- Мне докучают... и т. д.

Все произнесли свое слово, но так быстро, что нельзя было понять, кому оно принадлежит. Их болтовня, то глухая, то визгливая, сопровождаемая хохотом Мангогула и придворных, произвела небывалый шум.

Женщины признавались с самым серьезным видом, что это очень забавно.

– Ну, что же, – сказал султан, – мы очень счастливы, что сокровища удостоили говорить нашим языком и принять участие в наших беседах. Общество бесконечно выиграет от такого удвоения органов речи. Может быть, и мы, мужчины, заговорим иначе, чем ртом. Кто знает! Тому, что так тесно связано с сокровищем, может быть, предназначено спрашивать его и отвечать ему. Однако мой анатом думает иначе.

Глава восьмая

Третья проба кольца

Интимный ужин

Сервировали ужин, уселись за стол; все начали подшучивать над Монимой; женщины единодушно обвиняли ее сокровище в том, что оно заговорило первым. И она не сумела бы противостоять этой лиге, если бы султан не взял ее под свою защиту.

– Я не утверждаю, – сказал он, – что Монима менее легкомысленна, чем Зельмаида, но я думаю, что сокровище у нее скромнее. И вообще, если уста и сокровище женщины противоречат друг другу, кому из них следует верить?

– Государь, – сказал придворный, – я не знаю, что сокровища будут говорить дальше, но до сих пор они говорили лишь о предмете, в высшей степени им близком. До тех пор, пока у них хватит благоразумия говорить лишь о том, что они знают, я буду верить им, как оракулу.

– Можно было бы, – сказала Мирзога, – спросить более надежных оракулов.

– Сударыня, – возразил Мангогул, – какой интерес был бы у них исказить истину? Что могло бы побудить их на это, кроме химеры чести? Но у сокровища нет этой химеры: здесь нет места для предрассудков.

– Химера чести! – воскликнула Мирзоа. – Предрассудки! Если бы ваше высочество подвергались таким неприятностям, как мы, вы поняли бы, что то, что касается добродетели, – далеко не химера.

Все женщины, осмелев после ответа султанши, поддержали ее и нашли излишним, чтобы их подвергали дальнейшим испытаниям, а Мангогул прибавил, что эти испытания почти всегда бывают опасны.

От этих разговоров перешли к шампанскому, выпито было немало, и настроение пирующих очень повысилось. Сокровища разгорячились. Пришла минута, когда Мангогул решил снова начать свои козни. Он направил кольцо на сильно развеселившуюся молодую женщину, сидевшую близко от него, напротив своего супруга. Тогда все услышали из-под стола какие-то жалобные звуки, и слабый замирающий голос заговорил:

– Как я измучено! Я больше не могу. Я в совершенном изнеможении.

– Как! Во имя бога Понго Сабиам! – вскричал Гуссейн, – сокровище моей жены говорит... Но что оно может рассказать?..

– Мы это сейчас услышим, – ответил султан.

– Государь, разрешите мне не быть в числе слушателей, – попросил Гуссейн. – И если у него вырвутся какие-нибудь глупости, надеюсь, ваше высочество, не подумайте...

– Я думаю, что вы глупец, – сказал султан, – если вас волнует болтовня сокровища. Разве не известна большая часть того, что оно может сказать, и разве не легко предугадать остальное? Садитесь же и постарайтесь позабавиться.

Гуссейн сел на место, и сокровище его жены принялось стрекотать, как сорока.

– Отделаюсь ли я когда-нибудь от этого верзилы Валанто! – воскликнуло оно. – Я знаю людей, у которых страсть остывает, но он...

При этих словах Гуссейн вскочил, как безумный, схватился за нож, бросился на другой конец стола и пронзил бы грудь своей жены, если бы его не удержали соседи.

– Гуссейн, – обратился к нему султан, – вы делаете слишком много шума. Ничего не слышно. Разве только сокровище вашей жены лишено здравого смысла? Что бы случилось с этими дамами, если бы их мужья, подобно вам, выходили из себя? Как! Вы приходите в отчаяние из-за несчастного приключения какого-то Валанто, у которого страсть не остывает. Сядьте на место, будьте благовоспитанным человеком, не распускайтесь и не поступайте столь дерзко по отношению к государю, который приобщает вас к своим удовольствиям.

В то время как Гуссейн, стараясь подавить ярость, откинулся на спинку стула, закрыв глаза и опершись лбом на руку, султан опять повернул кольцо, и сокровище продолжало:

– Я хорошо бы приспособилось к молодому пажу Валанто. Но я не знаю, когда он воспламенится. В ожидании, когда один воспламенится, а другой остынет, я набираюсь терпения с брамином Эгоном. Надо сознаться, что он безобразен, но у него есть талант остывать и вновь воспламеняться. О брамин – великий человек!

При этом восклицании сокровища Гуссейн покраснел, устыдившись мысли о том, что так опечалился из-за женщины, которая этого не стоила, и принялся хохотать вместе со всеми. Но он затаил злобу на супругу. Когда ужин кончился, все разошлись по домам, кроме Гуссейна, который проводил свою жену в монастырь и запер ее там. Мангогул, узнав о ее злосудии, навестил ее. Когда он явился, все сестры утешали ее, но главным образом старались выпытать причину ее изгнания.

– Я здесь из-за пустяка, – сказала она. – Вчера за ужином у султана хватили шампанского, хлебнули и токайского, никто уже не понимал, что кругом говорилось, как вдруг моему сокровищу вздумалось болтать. Я не знаю, что это были за речи, но мой супруг разгневался на них.

– Без сомнения, мадам, он был неправ, – отвечали монахини. – Нельзя так гневаться из-за пустяков.

– Как! Неужели ваше сокровище говорило? А не может ли оно снова заговорить? О, как нам было бы приятно его послушать! Его выражения, должно быть, полны изящества и ума.

Они были удовлетворены, так как султан направил кольцо на бедную узницу и ее сокровище достойно отблагодарило их за любезность, заявив, впрочем, что как ни очаровательно их общество, общество брамина было бы еще приятнее.

Султан воспользовался случаем узнать некоторые особенности жизни этих девушек. Его перстень вызвал признание у сокровища одной молоденькой затворницы по имени Клеантиса. И сокровище той, которую считали девственницей, назвало двух садовников, брамина и трех кавалеров и рассказало, как с помощью снадобья и двух выкидышей ей удалось избежать скандала.

Зеферина созналась устами своего сокровища, что она обязана юному приказчику, служившему у них, почетным званием матери. Но больше всего удивило султана, что, хотя сокровища употребляли очень непристойные выражения, девственницы, которым они принадлежали, слушали их, не краснея.

Это навело его на мысль, что если в такого рода убежищах не хватает практики, зато много теоретических познаний. Чтобы убедиться в этом, он направил перстень на послушницу пятнадцати-шестнадцати лет.

– Флора, – сказала сокровище, – не раз заглядывалась через решетку на молодого офицера. Я уверено, что он ей по вкусу. Ее мизинчик сказал мне это.

Плохо пришлось после этого Флоре.

Старшие сестры присудили ее к двухмесячной епитимии и велели всем молиться о том, чтобы сокровища всей общины хранили молчание.

Положение Академии наук в Банзе

Едва Мангогул покинул затворниц, среди которых мы его оставили, как в Банзе распространился слух, что все девушки конгрегации копчика Браммы говорили посредством сокровищ.

Этот слух, подтвержденный жестоким поступком Гуссейна, подстрекнул любопытство ученых. Явление было установлено, и мыслители начали искать в свойствах материи объяснения тому, что раньше они считали невозможным. Болтовня сокровищ породила бесконечное число превосходных работ, и эта важная тема обогатила изыскания Академии несколькими трудами, которые можно считать предельным достижением человеческого ума.

Чтобы создать и обессмертить Академию наук Банзы, были призваны и беспрестанно призывались все просвещенные люди Конго, Моноэмуги[9 - Моноэмуги - на географических картах XVIII в. королевство Моноэмуги располагалось к северо-востоку от Конго. В романе Дидро ему соответствуют Северная Германия и Англия.], Белеганцы и окрестных государств. Она заключала в своих стенах, под различными наименованиями, всех выдающихся ученых в области естественной истории, физики и математики и большую часть тех, какие обещали стать когда-нибудь выдающимися.

Этот улей неутомимых пчел работал без остановки в поисках истины, и каждый год читающая публика вкушала в томе, наполненном открытиями, плоды их трудов.

Ученые разделились на две партии - на вихревиков[10 - Вихревики - сторонники космогонической концепции Р. Декарта, считавшего, что солнечная система возникла в результате вихревого движения космических частиц.] и на притяженцев[11 - Притяженцы - сторонники физики Ньютона, открывшего закон всемирного тяготения.]. Олибри - великий геометр и талантливый физик - основал секту вихревиков. Чирчино - великий физик и талантливый геометр - был первым притяженцем.

Олибри и Чирчино - оба взялись объяснить природу вещей. Основные положения Олибри отличаются на первый взгляд соблазнительной простотой. В общих чертах они удовлетворительно объясняют главные феномены. Но они

неосновательны в деталях. Что касается Чирчино, его исходный пункт кажется нелепым, но ему не удался только первый шаг. Мельчайшие подробности, ниспровергающие теорию Олибри, подтверждают его систему. Он идет путем, вначале темным, но чем дальше, тем все более ясным. Наоборот, Олибри, ясный вначале, постепенно становится темнее. Его философия требует не столько изучения, сколько умственной силы: последователем второго нельзя стать без значительного ума и серьезного изучения. В школу Олибри можно войти без подготовки, ключ к ней имеется у каждого. Школа Чирчино открыта только для лучших геометров. Вихри Олибри понятны для всех умов. Основные силы Чирчино доступны лишь первоклассным математикам. Всегда на одного притяженца будет приходиться сотня вихревиков. И один притяженец всегда будет стоить сотни вихревиков. Таково было положение дел в Академии наук Банзы, когда она рассматривала вопрос о нескромных сокровищах.

К этому явлению было трудно приступить. Здесь не было места тяготению; сюда не было доступа тонкой материи. Напрасно президент просил высказаться всех, у кого были какие-нибудь мысли на этот счет, – глубокое молчание царило в аудитории.

Тогда вихревик Персифло, выпустивший в свет трактаты о бесконечном количестве предметов, ему неизвестных, встал с места и сказал:

– Этот факт, господа, вероятно, находится в связи со всей системой мироздания: я подозреваю, что причина его та же, что у приливов и отливов. В самом деле, заметьте, что у нас сегодня как раз полнолуние, совпадающее с равноденствием. Но, прежде чем принять мою догадку, надо послушать, что скажут сокровища в следующем месяце.

Кругом пожимали плечами: не смели поставить ему на вид, что он рассуждает, как сокровище; но так как он обладал проницательностью, то сразу догадался, что о нем это подумали.

Притяженец Ресипроко взял слово и сказал:

– Господа, у меня есть таблицы, составленные на основании вычисления высоты морских приливов во всех портах государства. Правда, наблюдениями некоторых мои вычисления опровергаются, но я надеюсь, что это неудобство будет возмещено полезностью, какую из них извлекут, если болтовня сокровищ

будет согласовываться с приливами и отливами.

Третий встал, приблизился к доске, начертил геометрическую фигуру и сказал:

- Пусть это будет сокровище АВ и т. д.

Здесь невежество переводчиков лишило нас объяснений, какие африканский автор, наверное, приводит. Дальше, после пропусков около двух страниц, мы читаем:

Доказательства Ресипроко показались убедительными, и все согласились на основании выводов, сделанных из его теории, согласно которой он предполагал рано или поздно доказать, что отныне женщины должны говорить посредством сокровища все, когда-либо сказанное им на ухо.

После этого доктор Оркотом, из касты анатомов, сказал:

- Господа, я полагаю, что лучше оставить какое-нибудь явление без рассмотрения, чем искать причин с помощью гипотез, ни на чем не основанных. Что до меня, я бы молчал, если бы мне нечего было вам сказать, кроме вздорных предположений, но я исследовал, изучал, размышлял. Я видал сокровища во время припадков и я пришел, с помощью опытного изучения органа, к уверенности, что то, что мы называем по-гречески *delphus*, имеет все свойства трахей, и что есть субъекты, которые могут так же хорошо говорить при помощи сокровища, как и ртом. Да, господа, *delphus* - инструмент струнный и в то же время духовой, но скорее струнный, чем духовой. Наружный воздух, в него входящий, производит действие смычка на сухожилия губ, которые можно назвать лентами или голосовыми связками. Легкое прикосновение воздуха к голосовым связкам заставляет их вибрировать, и своими вибрациями, более или менее частыми, они производят разнообразные звуки. Человек видоизменяет эти звуки, говорит, может даже петь. Так как здесь имеются только две ленты или две голосовых связки и так как они приблизительно одной длины, меня, без сомнения, спросят, почему этого достаточно, чтобы производить множество звуков, низких и высоких, и сильных и слабых, на какие только способен человеческий голос.

Продолжая сравнивать этот орган с музыкальным инструментом, я ручаюсь, что растяжение и сокращение связок может производить этот эффект.

Что эти части способны к сокращению и к растяжению – излишне продемонстрировать в собрании таких ученых мужей, как вы. Но что вследствие этих сокращений и растяжений delphus может издавать звуки, более или менее высокие, иными словами, передавать все оттенки человеческого голоса и все тона пения, – это факт, который я льщу себя надеждой установить вне всяких сомнений. Я предлагаю проверить это на опыте. Да, господа, я обязуюсь заставить рассуждать, говорить и даже петь перед вами delphus и сокровище.

Так разглагольствовал Оркотом, ставя себе целью не более, не менее, как заставить сокровища играть ту же роль, какую играла трахея у одного из его братьев, который, завидуя его успеху, напрасно старался ему повредить.

Глава десятая,

менее ученая и менее скучная, чем предыдущая

Продолжение заседания Академии

Судя по возражениям, какие делались Оркотому в ожидании опытов, его идеи находили более остроумными, чем серьезными.

– Если сокровища, – возражали ему, – обладают прирожденной способностью говорить, то отчего они так долго не пользовались ею? Если это была милость Браммы, внушившего женщинам столь сильное желание говорить и по доброте своей удвоившего органы их речи, странно, что они не знали этого и так долго пренебрегали таким драгоценным даром природы. Почему одно и то же сокровище говорило только однажды? Почему все они говорили только об одном и том же? Какой механизм заставляет один из ртов молчать, когда другой говорит? Кроме того, – прибавляли возражающие, – если судить о болтовне сокровищ по обстоятельствам, при которых большая часть из них говорила, и по вещам, какие они произносили, можно думать, что это была произвольная речь и что эти части тела продолжали бы быть немymi, если бы было во власти их носительниц принудить их к молчанию.

Оркотом счел своим долгом ответить на эти возражения и подтвердить, что сокровища говорили всегда, но так тихо, что их было едва слышно даже тем, кому они принадлежали; что нет ничего удивительного, если они повысили тон в наши дни, когда вольность речи достигла таких пределов, что без всякого стыда говорят о самых интимных вещах; что быть немым и хранить молчание – не одно и то же; что если они говорили только однажды, это не значит, что они больше не будут говорить; что они все говорили об одном и том же оттого, что, по-видимому, ни о чем другом у них не было представления; что те, которые еще не говорили, заговорят; что если они молчат, это потому, что им нечего сказать, или потому, что они плохо сложены, или же, наконец, потому, что им не хватает мыслей и терминов.

– Одним словом, – продолжал он, – утверждать, что милосердие Браммы дало женщинам возможность удовлетворить ненасытное желание говорить, удвоив орган их речи, – значит признать, что если бы это благодеяние вело к неприятным последствиям, то верховная мудрость должна была бы их предотвратить, – она это и делает, принуждая один из ртов молчать, когда другой заговорит. Для нас в высшей степени неприятно, когда женщина с минуты на минуту меняет мнение; что же это было бы, если бы Брама дал им возможность в одно и то же время иметь два противоположных мнения? Кроме того, нам дано говорить для того, чтобы нас выслушивали; ну а в каком положении очутились бы женщины, имея два рта, когда и с одним они не умеют друг друга слушать?

Оркотом отвечал на множество вопросов; он думал, что удовлетворил всех, но он ошибся. Его продолжали осуждать, и он уже готов был сдаться, когда физик Чимоназ поддержал его. Тогда диспут сделался бурным: от вопроса удалились, потеряли нить, нашли ее и снова потеряли, ожесточились, дошли до криков, потом до взаимных оскорблений, и заседание Академии на этом закончилось.

Глава одиннадцатая

Четвертая проба кольца

Эхо

В то время как болтовня сокровищ занимала Академию, она на долгое время стала новостью дня и предметом обсуждения во всех кругах общества; это была неисчерпаемая тема. Все сходило с рук. К истинным происшествиям прибавляли выдуманные. Принимали на веру все, что угодно. В беседах об этом прошло более полугода.

Султан только три раза пользовался своим кольцом. Тем не менее в кругу дам, приближенных Манимонбанды, обсуждалась речь сокровища, принадлежащего жене одного председателя, затем сокровища маркизы; потом раскрылись благочестивые секреты некоей ханжи, наконец, секреты многих других отсутствующих дам; бог знает, какие слова приписывались их сокровищам, непристойными выражениями не стеснялись; от фактов переходили к рассуждениям.

– Нужно признать, – говорила одна из дам, – что колдовство, направленное на сокровища, держит нас в ужасном состоянии. Как! – вечно со страхом ожидать, что из твоих недр раздастся дерзкий голос!

– Но, сударыня, – возражала ей другая, – нас удивляет такой страх с вашей стороны. Когда сокровище не может сказать ничего постыдного, не все ли равно, молчит оно или говорит?

– Совсем не все равно, – отвечала первая, – я отдала бы без сожаления половину моих драгоценностей, если бы знала наверное, что мое сокровище будет молчать.

– Поистине, – заметила вторая, – нужно иметь веские причины опасаться людей, чтобы такой ценой покупать молчание.

– Они у меня не более веские, чем у других, – возразила Сефиза, – во всяком случае, я их не отрицаю. Двадцать тысяч экю за спокойствие – это совсем не дорого; потому что, откровенно говоря, я не более уверена в моем сокровище, чем в моем языке: ведь у меня вырывалось немало глупостей в моей жизни. – Я слышу ежедневно, какие невероятные похождения разоблачаются, подтверждаются и подробно рассказываются сокровищами; если откинуть от них три четверти, остатка хватит, чтобы обеспечить женщину. Если бы мое сокровище солгало только наполовину, я уже погибла бы. Не достаточно ли того, что сокровища руководят нашим поведением, неужели необходимо, чтобы наша

репутация зависела от их болтовни?

– Что до меня, – с живостью вмешалась Исмена, – я предоставляю событиям идти своим чередом, не пускаясь в бесконечные рассуждения. Если, как утверждает мой брамин, Брама заставил сокровища говорить, то он не потерпит, чтобы они лгали. И нечестиво думать иначе. Мое сокровище может говорить, когда ему угодно и сколько захочет. В конце концов, что может оно рассказать.

Тут послышался глухой голос, как бы выходящий из-под земли и отозвавшийся подобно эхо:

– Очень многое.

Исмена, не представляя себе, откуда раздался ответ, вспыхнула, выбрала соседок, чем позабавила весь кружок. Султан, в восторге от того, что она попала на удочку, отошел от министра, с которым беседовал в сторонке, приблизился к ней и сказал:

– Берегитесь, сударыня; если вы некогда избрали одну из этих дам своей наперсницей, то как бы их сокровища не вздумали предательски напомнить о тех историях, которые ваше собственное уже позабыло.

В ту же минуту Мангогул, повертывая перстень, вызвал между дамой и ее сокровищем довольно странный диалог. Исмена, которая хорошо обделывала свои делишки и никогда не имела наперсниц, отвечала, что самые искусные злые языки не могли бы ей повредить.

– Может быть, – раздался незнакомый голос.

– Как, может быть! – воскликнула Исмена, уязвленная обидным сомнением. – Чего же мне бояться с их стороны?

– Весьма многого, если они знают столько, сколько я.

– А что вы знаете?

– Очень многое, будьте уверены.

- Очень многое? Это обещает немало, но не означает ничего. Можете ли вы привести какие-нибудь подробности?

- Без всякого сомнения.

- В каком же они роде? Есть у меня сердечные дела?

- Нет.

- Интриги? Похождения?

- Вот именно.

- С кем же, соблаговолите сказать – с петиметрами? С военными? С сенаторами?

- Нет.

- С артистами?

- Нет.

- Вы увидите, что это окажутся мои пажи, мои лакеи, мой духовный отец или духовник моего мужа.

- Нет.

- Господин лжец, вы кончили?

- Не совсем.

- Однако я не знаю больше никого, кто бы мог участвовать в моих похождениях. Было ли это до моего замужества или после него? Отвечайте же, наглец!

- Ах, сударыня, довольно браниться; прошу вас, не доводите лучшего вашего друга до плохих поступков.

– Говорите, говорите, милейший, я не ценю вашего расположения и не боюсь вашей нескромности. Разъясните, в чем дело, я разрешаю вам это; я вам это приказываю.

– К чему вы принуждаете меня, Исмена? – отозвалось сокровище с глубоким вздохом.

– Воздать должное добродетели.

– Хорошо же, добродетельная Исмена, не припоминаете ли вы молодого Османа, санджака Зегриса, вашего учителя танцев Алазиэля, учителя музыки Альмура?

– Какой ужас! – вскричала Исмена. – Моя мать была слишком бдительна для того, чтобы я могла позволить себе такие проказы. И мой муж, если бы он был здесь, заверил бы вас, что он нашел меня такой, какой желал найти.

– Ну да, – отвечало сокровище, – благодаря секрету Альсины, вашей близкой подруги.

– Это нелепость, такая смешная и такая грубая, – сказала Исмена, – что ее незачем даже опровергать. Я не знаю, – продолжала она, – сокровище какой из этих дам обнаруживает такую осведомленность в моих делах. Но оно рассказало такие вещи, о которых мое не знает ничего.

– Сударыня, – сказала Сефиза, – уверяю вас, что мое сокровище ограничилось тем, что слушало.

Другие женщины повторили то же самое, и все принялись за игру, так и не дознавшись, кто был собеседником Исмены в разговоре, который я только что передал.

Глава двенадцатая

Пятая проба кольца

Картежницы

Большая часть партнерш Манимонбанды играла с остервенением, и не нужно было иметь проницательности Мангогула, чтобы это заметить. Страсть игроков труднее всего скрыть. Она обнаруживается и при выигрыше, и при проигрыше резкими симптомами.

«Откуда у них это неистовство? – спрашивал он себя. – Решаются они проводить целые ночи за столом, увлекаясь фараоном и трепеща в ожидании туза или семерки? Это безумие портит их здоровье и красоту, если она у них есть. Не говоря уже о распутстве, на которое, я уверен, оно их толкает».

– У меня сильное желание, – тихо шепнул он Мирзозе, – выкинуть сейчас одну шутку.

– Что же это за шутка, которую вы задумали? – спросила фаворитка.

– Направить перстень на самую яростную из картежниц, допросить ее сокровище и при помощи этого органа дать добрый совет безмозглым мужьям, которые позволяют своим женам рисковать честью и состоянием за карточным столом или за игрой в кости.

– Мне очень нравится эта мысль, – сказала Мирзоза, – но знайте, государь, что Манимонбанда поклялась своими пагодами, что у нее не будет больше собраний, если она еще раз будет терпеть бесстыдство энгастримиток.

– Как вы сказали, услада моего сердца? – прервал ее султан.

– Я привела, – ответила фаворитка, – название, какое стыдливая Манимонбанда дает всем, чьи сокровища умеют говорить.

– Это придумал глупец брамин, который хвастается тем, что знает греческий язык и не знает конгского языка, – сказал султан. – Тем не менее нравится ли это или нет Манимонбанде и ее капеллану, я хотел бы допросить сокровище Маниллы, и было бы уместно составить на этот раз протокол допроса в назидание ближним.

– Государь, если вы меня послушаетесь, – сказала Мирзоза, – вы избавите от неприятностей старшую султаншу, – это вам легко сделать без того, чтобы пострадало ваше или мое любопытство. Почему не перенестись вам к Манилле?

– Я отправляюсь туда, раз вы этого хотите, – сказал Мангогул.

– Но в котором часу? – спросила фаворитка.

– В полночь, – ответил султан.

– В полночь она играет, – заметила фаворитка.

– Тогда я подожду до двух часов, – сказал Мангогул.

– Государь, – возразила Мирзоза, – вы не подумали о том, что сказали. Это самое прекрасное время для игры. Поверьте, ваше высочество, вы застанете Маниллу только что уснувшей между семью и восемью часами утра.

Мангогул последовал совету Мирзозы и посетил Маниллу в семь часов. Прислужница собиралась уложить ее в постель. Он увидел, судя по ее печальному лицу, что она проигралась; она ходила взад и вперед, останавливалась, подымала глаза к небу, топала ногой, прижимала кулаки к глазам и что-то бормотала сквозь зубы, чего султан не мог расслышать. Прислужницы, которые ее раздевали, с трепетом следили за ее движениями. Наконец, они ее уложили, но это не обошлось без грубостей и даже худших вещей с ее стороны.

И вот Манилла в постели; вместо вечерней молитвы она произнесла несколько проклятий тузу, который вышел семь раз, отчего она и проиграла.

Она только что сомкнула глаза, когда Мангогул направил на нее кольцо. В ту же минуту ее сокровище горестно воскликнуло:

– Вот так раз! У меня девяносто и ни одной взятки.

Султан улыбнулся, увидя, что в Манилле все дышит картежной игрой, даже ее сокровище.

– Нет, – продолжало оно, – я никогда не буду играть против Абидула; он вечно плутует. Не говорите мне о Даресе: с ним рискуешь всегда сделать несчастный ход. Измаил – сносный игрок, но его не так легко залучить. Мазулиму не было цены, пока он не попался в руки Криссы. Я не знаю более капризного игрока, чем Зульмис. Рика менее капризен, но бедный мальчик проигрался в пух и прах. С Лазули ничего не поделаешь. Самая прекрасная женщина в Банзе не заставит его играть по большой. Неважный игрок и Молли. В самом деле, игрокам есть от чего прийти в отчаяние, и скоро не будешь знать, с кем составить партию.

После этой иеремиады сокровище перешло к тем особым случаям, свидетелем которых оно было, и начало изливаться относительно стойкости его хозяйки и средств, какими она пользовалась в трудных обстоятельствах.

– Не будь меня, – сказало оно, – Манилла уже двадцать раз была бы разорена. Все богатства султана не могли бы покрыть долгов, какие уплатило я. Однажды, играя в брелан, она проиграла финансисту и аббату больше десяти тысяч дукатов. Ей оставалось только прибегнуть к своим драгоценностям. Но они совсем недавно были выкуплены ее мужем из заклада, и было рискованно пускать их в ход. Тем не менее она взялась за карты, и ей выпала такая соблазнительная игра, какие посылает судьба, когда хочет вас погубить. От нее ждали ответа. Манилла посмотрела на свои карты, опустила руку в кошелек, откуда – она это хорошо знала – ничего нельзя было вынуть, снова обратилась к игре и стала в нее всматриваться, не зная, на что решиться.

«Ставит ли сударыня, наконец?» – спросил ее финансист.

«Да, ставлю... ставлю, – пролепетала она, – мое сокровище».

«В какую сумму?» – спросил Тюркарес.

«В сто дукатов», – сказала Манилла.

Аббат не стал играть, – сокровище показалось ему слишком дорогим. Тюркарес согласился на ставку; Манилла проиграла и уплатила.

Тюркареса соблазнило тщеславное желание обладать титулованным сокровищем; он предложил моей хозяйке снабжать ее деньгами для игры, при

условии, чтобы я служило его удовольствиям. Дело было тут же улажено. Но так как Манилла играла по большой, а средства финансиста не были неисчерпаемы, мы скоро увидели дно его сундуков.

Моя хозяйка затеяла у себя блистательный вечер с игрой в фараон; вся ее компания была приглашена, предполагались ставки не ниже дуката. Мы рассчитывали на кошелек Тюркареса, но утром знаменательного дня этот плут написал нам, что у него не осталось ни гроша, и поверг нас в полное замешательство: нужно было как-нибудь выпутаться, и нельзя было терять ни минуты. Мы снизошли до старого главы браминов, и за весьма дорогую плату оказали несколько любезностей, которых он домогался целый век. Этот сеанс стоил ему двухгодичного дохода от его бенефиций.

Однако Тюркарес вернулся через несколько дней; он был в отчаянии, говорил он, что сударыня поймала его врасплох, все же он рассчитывал на ее доброту.

«Но вы ошиблись в расчете, – отвечала Манилла, – я никак не могу вас принять. Когда вы были в состоянии давать займы, свет знал, почему я вас терпела. Теперь же, когда вы никуда не годны, вы нанесли бы ущерб моей чести».

Тюркарес был задет этой речью, и я тоже, потому что он был, может быть, наилучший из молодых людей Банзы. Он потерял обычную сдержанность и сказал Манилле, что она ему обошлась дороже трех оперных актрис, которые доставили бы ему удовольствий больше, чем она.

«Ах, – воскликнул он печально, – почему я не держался за мою маленькую белешку! Она безумно любила меня. Сколько радостей я доставлял ей каким-нибудь куском тафты!»

Манилла, которой не понравилось это сравнение, прервала его так резко, что его бросило в дрожь, и велела ему сейчас же выйти вон. Тюркарес знал ее и предпочел мирно спуститься по лестнице, чем вылететь в окно.

Манилла сделала после этого заем у другого брамина, который пришел, по ее словам, утешить ее в горе; святой муж занял место финансиста, и мы заплатили ему за утешение той же монетой, что и первому. Она проигрывала меня еще несколько раз. Известно, что игорные долги единственные, какие уплачиваются в свете.

Когда Манилле везет в игре, это самая добропорядочная женщина в Конго. Если не считать игры, ее поведение не выходит из должных рамок. Никто не слышит ее проклятий, она платит модистке, прислуге, одаряет прислужниц, выкупает из заклада тряпки и ласкает своего дога и мужа. Но она рискует тридцать раз в месяц хорошими наклонностями и деньгами, ставя их на пикового туза. Вот жизнь, какую она вела и какую будет вести. И бог знает, сколько раз еще я буду ставкой в ее игре.

Тут сокровище умолкло, и Мангогул пошел спать. Его разбудили в пять часов вечера, и он отправился в оперу, где обещал фаворитке встретиться с нею.

Глава тринадцатая

Шестая проба кольца

Опера в Банзе

Из всех театров Банзы на высоте был только оперный.

Утмиутсоль[12 - Утмиутсоль – Жан Батист Люлли (1632–1687), французский композитор, приближенный Людовика XIV; писал музыку к придворным балетным спектаклям.] и Уремифасолясиутутут[13 - Уремифасолясиутутут – Жан Филипп Рамо (1683–1764), французский придворный композитор; развил созданный Ж. Б. Люлли жанр лирической трагедии. Первый серьезный успех пришел к Рамо в 1738 г. после удачной постановки оперы «Ипполит и Арисия».], знаменитые музыканты, один из которых уже начал стареть, а другой только что родился, поочередно владели сценой. Каждый из этих двух оригинальных авторов имел своих приверженцев. Невежды и хрычи стояли за Утмиутсоля: молодежь и виртуозы – за Уремифасолясиутутута; люди же со вкусом, и молодые и старые, высоко ценили их обоих.

Уремифасолясиутутут, говорили последние, превосходен, когда он на высоте, но время от времени он засыпает. С кем же этого не случается? Утмиутсоль более выдержан, более ровен; у него много прелести. Но у него нет ничего такого, чего нельзя найти, и даже в более совершенной форме, у его соперника, у

которого есть черты, только ему свойственные и какие можно встретить лишь в его трудах. Старый Утмиутсоля прост, естественен, однообразен, даже слишком иногда, – это его недостаток. Молодой Уремифасолясиутутут причудлив, блестящ, сложен, учен, даже слишком учен иногда, но это, быть может, надо поставить в вину его слушателям. У первого – только одна увертюра, действительно превосходная, но возглавляющая каждую из его пьес; у второго – столько увертюр, сколько пьес. И все они слывут шедеврами. Природа вела Утмиутсоля путями мелодии. Изучение и опыт открыли Уремифасолясиутутуту источники гармонии. Кто так владел искусством декламации и будет владеть, как старые авторы? Кто, как не современные авторы, создают легкие арии, полные сладострастия, и оригинальные симфонии? Утмиутсоля один знает толк в партитурах. До Уремифасолясиутутута никто не различал тонких оттенков, которые отделяют нежность от сладострастия, сладострастие от страсти, страсть от томности. Некоторые приверженцы его утверждали даже, что, если партитуры Утмиутсоля выше, чем у него, то это объясняется не столько неравенством талантов, сколько различием поэтических текстов, какими они пользовались.

– Прочтите, прочтите, – кричали они, – сцену из «Дардануса»[14 - «Дарданус» – опера Ж. Ф. Рамо, слова Лабрюйера, премьера которой состоялась 19 ноября 1739 г.], и вы убедитесь, что, если дать хороший текст либретто Уремифасолясиутутуту, он создаст не менее очаровательные сцены, чем в операх Утмиутсоля.

Что бы там ни было, в мое время весь город сбегался на оперы одного и задыхался от смеха на балетах другого.

В Банзе ставилось превосходное произведение Уремифасолясиутутута, которое исполняли бы спустя рукава, если бы фаворитка не заинтересовалась им: периодическое нездоровье, которому подвержены сокровища, было на руку мелким сошкам, завистникам композитора, и вызвало отсутствие главной примадонны; у той, которая заменяла ее, голос был хуже, но, так как она возмещала его недостатки игрой, ничто не помешало султану и фаворитке почтить спектакль своим присутствием.

Мирзоа уже пришла. Султан входит. Занавес поднят, спектакль начался. Все шло великолепно. Шевалье заставила забыть Мор, и шел уже четвертый акт, когда во время пения хора, которое затянулось настолько долго, что фаворитка уже два раза зевнула, султану вздумалось направить кольцо на хористок.

Никогда театр не видел более странной и комической картины. Тридцать девушек сразу онемели; широко раскрыв рот, они сохраняли свои прежние театральные позы. В то же время их сокровища надрывали глотку, распевая, одно – простонародную песню, другое – шаловливую уличную песенку, третье – какие-то фривольные куплеты. Все эти сумасбродства соответствовали их характерам. С одной стороны слышалось: «Да, да, милая кума!», с другой: «Как, неужели двенадцать раз?..» Здесь: «Кто меня поцеловал? Ах, нахал!» Там: «Вам проход свободный дан, добрый дядя Киприан!..»

Голоса эти, становясь все громче и безумнее, образовали чудовищный хор, самый шумный и самый смешной, какой когда-либо слышали с тех пор, как... да... но... (рукопись оказалась в этом месте испорченной).

Между тем оркестр продолжал играть свое, и хохот партера, амфитеатра и лож, присоединившись к его музыке и к пению сокровищ, дополнял какофонию.

Некоторые из актрис, боясь, что их сокровища устанут напевать глупости и начнут их рассказывать, бросились за кулисы, но они отделались одним страхом. Мангогул, убедившись, что публика не услышит уже ничего нового, повернул кольцо в обратную сторону. В то же мгновение сокровища смолкли, смех прекратился, спектакль вошел в рамки, пьеса продолжалась и благополучно дошла до конца. Занавес опустился; султан и султанша удалились, и сокровища актрис отправились туда, где их ожидали для иных занятий, – отнюдь не пением.

Это происшествие наделало много шума. Мужчины смеялись, женщины были встревожены, бонзы – скандализированы, у академиков голова шла кругом. Что же говорил об этом Оркотом? Оркотом торжествовал. Он предсказывал в одном из своих докладов, что сокровища непременно запоют. Они запели, и это явление, сбившее с толку его собратьев, было для него новым лучом истины и блестяще подтверждало его теорию.

Глава четырнадцатая

Опыты Оркотама

15-го числа, месяца... Оркотом делал в Академии доклад, в котором он высказывал свой взгляд на болтовню сокровищ. Так как он сообщал весьма уверенно о непогрешимых опытах, повторенных неоднократно, и каждый раз с тем же успехом, большинство слушателей было ошеломлено. Некоторое время публика сохраняла благоприятное впечатление о его докладе, и в течение целых полутора месяцев считали, что Оркотом сделал замечательные открытия.

Для полноты его триумфа нужно было только на заседании Академии повторить опыты, которыми он так гордился. Собрание, созванное по этому случаю, было блестящим. На нем присутствовали министры, и сам султан соблаговолил явиться туда, оставаясь, однако, невидимым.

Мангогул был большим искусником в монологе, пустота болтовни его современников развила в нем привычку говорить с самим собой, – и вот как он рассуждал:

«Одно из двух – или Оркотом продувной шарлатан, или гений, мой покровитель, – набитый дурак. Если академик, который, конечно, не колдун, может заставить говорить мертвые сокровища, то гений, который мне покровительствует, сделал большую ошибку, заключив договор с дьяволом и продав ему душу, с тем чтобы наделить душой сокровища, полные жизни».

Погруженный в размышления, Мангогул не заметил, как очутился среди академиков. Аудиторию Оркота, как мы видели, составляли все обитатели Банзы, сколько-нибудь сведущие в вопросах о сокровищах. Он мог бы вполне быть довольным своей аудиторией, если бы смог ее удовлетворить; но опыты его не имели ни малейшего успеха. Оркотом брал сокровище, приближал его ко рту, дул в него до потери дыхания, оставлял его и снова брался за него, потом начинал производить опыт над другим, ибо он принес сокровища всех возрастов, всех размеров, всевозможных состояний и цветов; но тщетно он дул на них, слышались только нечленораздельные звуки, совсем не похожие на те, какие он обещал.

Вокруг поднялся ропот, который на минуту смутил его, но он овладел собой и заявил, что такие опыты не проходят удачно перед столь большим количеством публики, и был прав.

Мангогул в негодовании встал, вышел и в ту же минуту очутился у своей любимой султанши.

– Ну что ж, государь, – спросила она, как только увидела его, – кто прав – вы или Оркотом? Ведь его сокровища творили чудеса. В этом нет сомнения.

Султан прошелся несколько раз по комнате, не отвечая ей.

– Мне кажется, – сказала фаворитка, – ваше высочество чем-то недовольны.

– Ах, мадам, – ответил султан, – дерзость этого Оркота ни с чем не сравнима. Я не хочу слышать о нем. Что скажете вы, будущие поколения, когда узнаете, что великий Мангогул выдавал пенсию в пять тысяч экю таким людям, в то время как храбрые офицеры, которые орошали своей кровью лавры, увенчавшие его чело, не получали больше четырехсот ливров пенсии! Ах, черт возьми, я прихожу в ярость! Я потерял расположение духа на целый месяц.

Тут Мангогул замолчал и продолжал шагать по апартаментам фаворитки. Он ходил с опущенной головой взад и вперед, останавливался и по временам топал ногой. На минуту он присел, но тотчас же вскочил, простился с Мирзозой, забыл ее поцеловать и удалился в свои покои.

Африканский автор, обессмертивший себя историей возвышенных и чудесных деяний Эргебзеда и Мангогула, продолжает в следующих выражениях:

Судя по плохому настроению Мангогула, все думали, что он изгонит всех ученых из своего царства. Отнюдь нет. На другой день он встал веселый, утром покатался на карусели с кольцами, вечером ужинал со своими фаворитками и с Мирзозой в великолепном шатре, разбитом в садах сераля, и казался ничуть не озабоченным государственными делами.

Умы, настроенные пессимистически, фрондеры Конго и новаторы Банзы, не преминули осудить его поведение. К чему только не придерутся эти люди!

– И это называется, – говорили они на прогулках и в кафе, – управлять государством! Целый день не выпускает копыя из рук, а ночи проводит за столом.

– Ах, если бы я был султаном! – вскричал маленький сенатор, разоренный игрой, расставшийся с женой и давший своим детям прескверное воспитание. Если бы я был султаном, я гораздо лучше него привел бы Конго в цветущее состояние. Я хотел бы быть грозой моих врагов и любимцем подданных. Меньше, чем в полгода, я восстановил бы во всей силе полицию, законы, армию и флот. У меня было бы сто линейных кораблей; наши ланды превратились бы в плодородные поля, и дороги были бы исправлены. Я уничтожил бы или, по крайней мере, уменьшил наполовину налоги. Что касается пенсий, господа остроумцы, даю слово, вы не получали бы и на понюшку табаку. Бравые офицеры, Понго Сабиам! – brave офицеры, старые солдаты, судьи, вроде нас, посвятившие труды и досуг на то, чтобы чинить правосудие, – вот люди, которых я осыпал бы милостями!

– Разве вы не помните, господа, – прибавил тоном знатока старый беззубый политик с прилизанными волосами, в камзоле с протертыми локтями и в обтрепанных манжетах, – нашего великого императора Абдельмалека из абиссинской династии, который царствовал две тысячи триста восемьдесят пять лет тому назад? Разве вы не помните, как он велел посадить на кол двух астрономов за то, что они ошиблись на три минуты в предсказании солнечного затмения, и четвертовал своего хирурга и придворного врача, предписавшего ему некстати манную кашу?

– А затем, – продолжал другой, – спрашивается, на что нужны все эти праздные брамины, эти черви, жиреющие от нашей крови? Разве несметные богатства, в которых они утопают, не больше подошли бы таким честным людям, как мы?

С другой стороны слышалось:

– Разве имели понятие сорок лет тому назад о новой кухне и о лотарингских ликерах? Все окунулись в роскошь, которая возвещает близкую гибель империи, естественное последствие пренебрежения к пагодам и развращения нравов. В те времена, когда за столом великого Каноглу ели только одно мясо и пили только шербет, разве ценили модные фасоны, лаки Мартена[15 - Лаки – декоративные изделия из дерева, папье-маше, металла и т. п., покрытые лаком. Во Франции XVIII в. большим успехом пользовались украшенные миниатюрами лаки фирмы «Мартен».] и музыку Рамо? Оперные актрисы были так же несговорчивы, как и в наши дни, но их можно было получить за более сходную цену. Государь, как видите, вносит большую порчу во все. Ах, если бы я был султаном!

– Если бы ты был султаном, – с живостью отозвался старый вояка, который вышел живым из битвы при Фонтепуа и потерял руку, сражаясь рядом с государем в битве при Лоуфельте, – ты наделал бы глупостей больше, чем их наговорил. Эх, дружище, ты не умеешь придержать язык, а хочешь управлять империей! У тебя не хватает ума управлять собственной семьей, а между тем ты хочешь привести в порядок государство. Замолчи, несчастный! Уважай властителей земли и благодари богов за то, что ты родился в империи, в царствование государя, мудрость которого озаряет путь его министрам, храбрость которого восхищает солдат, который наводит трепет на врагов и возбуждает любовь подданных и которого можно упрекнуть лишь в терпимости, с какой он относится к тебе и тебе подобным.

Глава пятнадцатая

Брамины

Когда ученые истожили все, что могли сказать о сокровищах, за них взялись брамины. Религия объявила болтовню сокровищ предметом своей компетенции, и представители духовной власти утверждали, что в этом явлении ясно виден перст Браммы.

Было созвано всеобщее собрание жрецов, и было решено обязать всех, хорошо владеющих пером, доказать, что событие было сверхъестественным и, в ожидании впечатления, какое произведут их труды, подготовить его изложением тезисов, частными беседами, влиянием духовников и публичными речами. Но хотя все брамины единодушно признали, что событие было сверхъестественным, однако, поскольку в Конго веровали в два божественных начала и существовало нечто вроде манихейства, они разделились на две партии по вопросу: какому из двух начал они обязаны болтовней сокровищ.

Те, кто никогда не покидал своей кельи и не перелистывал других книг, кроме священных, приписывали чудо Брамме.

– Лишь он один, – говорили они, – может нарушить порядок природы, и время покажет, что во всем этом у него были свои глубочайшие цели.

Наоборот, те, которые посещали альковы и которых чаще встречали в подозрительных переулочках, чем в их кабинетах, боясь, что какие-нибудь нескромные сокровища изобличат их лицемерие, приписывали их болтовню Кадабре, злomu божеству, заклятому врагу Брамy и его служителей.

Это вероучение подвергалось ожесточенным нападкам и не имело непосредственной целью улучшение нравов. Сами ее защитники не обманывались на этот счет. Но нужно было замести следы: чтобы добиться этого, любой служитель религии сто раз пожертвовал бы идолами и алтарями.

Мангогул и Мирзоза пунктуально присутствовали в установленное время в пагоде на службах Брамy, и газеты извещали об этом по всей империи. Однажды они пришли в большую мечеть, где совершалось очередное торжественное служение. Брамин, на котором лежала обязанность изъяснять закон, поднялся на кафедру и стал рассыпаться в пустых фразах, приветствуя султана и фаворитку и наводя на них скуку.

Он красноречиво разглагольствовал о способе ортодоксально держаться в обществе, подкрепляя необходимость этого бесчисленными авторитетами, и вдруг, охваченный священным энтузиазмом, разразился тирадой, которая произвела тем большее впечатление, что ее никто не ожидал.

– Что слышу я во всех кругах общества? Смутный ропот, молва о неслыханных происшествиях поразила мой слух. Все извращено, и способность речи, которой милосердный Брама до сих пор наделял язык – как знамение его гнева, – дана другим органам. И каким органам? Вы знаете их, господа. Нужны ли еще чудеса, чтобы пробудить тебя от усыпления, неблагодарный народ? И не достаточно ли было свидетелей грехов твоих? Нужно было еще, чтобы главные орудия подали голос. Без сомнения, мера их беззаконий переполнена, ибо гнев небесный наслал на вас новые наказания. Напрасно ты прятался в темноте, напрасно избирал ты немых соучастников; слышишь ты их ныне? Со всех сторон раздаются их голоса, обличающие твое нечестие перед лицом вселенной. О ты, мудро управляющий нами Брама, справедлив суд твой. Закон твой карает вора, клятвопреступника, лжеца и прелюбодея. Он осуждает и низость клеветников, и происки честолобцев, и ярость ненавистников, и козни обманщиков. Верные твои служители не перестают возвещать эти истины чадам твоим и грозить им наказанием, какое ты уготовил в праведном гневе твоём нарушителям закона. Но тщетно! Безумцы предались неистовству страстей: они понеслись по

течению. Они презрели наши предостережения, они посмеялись над нашими угрозами, они сочли за ничто наши проклятия. И пороки их возросли, укрепились и умножились, голос их нечестия достиг и тебя, и мы не могли предвидеть ужасного бича, каким ты покарал их. После того как мы долго молили тебя о милосердии, будем теперь прославлять твою справедливость. Под твоими ударами они, несомненно, вернуться к тебе и познают руку, которая легла на них своей тяжестью. Но, о неслыханное ожесточение! О верх ослепленности! Они приписали силу твоего могущества слепому механизму природы. Они сказали в сердце своем: «Нет Браммы. Не все свойства материи нам известны. И новое доказательство бытия божества – лишь доказательство невежества и легковерия тех, которые его нам противопоставляют». На этом основании они возвели целые системы, придумали гипотезы, производили опыты. Но с высоты своего вечного чертога Брама смеялся над их бесплодными измышлениями. Он посрамил дерзостную науку, и сокровища разбились, как стекло, преграду, которая сдерживала их болтливость. Пусть признают, наконец, эти горделивые черви слабость своего разума и тщету своих усилий! Пусть перестанут отрицать бытие Браммы или ставить пределы его всемогуществу! Брама существует, и он всемогущ, и он так же ясно явлен нам в своих ужасных карах, как и в своих несказанных милостях. Но кто же навлек кару на эту несчастную страну? Не твои ли злые деяния, мужчина алчный и безбожный? Не твое ли порочное кокетство и безумные любовные утехи, светская женщина, лишенная стыда? Не твое ли бесстыдное распутство, сладострастный нечестивец? Не твое ли бессердечие к монахам, скряга? Не твой ли неправый суд, продажный, пристрастный судья? Не твое ли лихоимство, ненасытный торговец? Не твоя ли распущенность и безверие, изнеженный нечестивый придворный?

И вы, на ком в особенности тяготеет эта кара, женщины и девушки, впавшие в распутство! Если бы даже изменив долгу, налагаемому нашим законом, мы сохранили молчание о вашем распутстве, при вас всегда находится голос еще более настойчивый, чем наш. Он следует за вами повсюду и везде будет укорять вас за ваши нечистые желания, за ваши двусмысленные привязанности, за ваши преступные связи, за чрезмерные заботы о том, чтобы нравиться, за ухищрения, на какие вы пускаетесь, чтобы привлечь поклонников, за ловкость, с какой их удерживаете, за чрезмерность ваших страстей и за ярость вашей ревности. Чего же вы еще ждете? Почему не сбросите иго Кадабры и не вернетесь под кроткую власть законов Браммы? Но возвратимся к нашей теме. Я говорил уже, что светские люди держат себя как еретики по девяти причинам: первая... и т. д.

Эта речь произвела различное впечатление. Мангогул и султанша, которые одни знали секрет перстня, нашли, что брамин так же удачно объяснил болтовню

сокровищ с помощью религии, как Оркотом с помощью науки. Женщины и придворные петиметры говорили, что проповедь соблазнительна и что проповедник – юродивый. Остальная часть аудитории смотрела на него как на пророка, проливая слезы, прибегала к молитвам и слегка даже к бичеваниям, но ничего не изменила в своей жизни.

Слух об этом докатился до всех кафе. Один из остроумцев решил, что брамин лишь поверхностно коснулся вопроса и что его выступление было холодной и скучной декламацией. Но, по мнению ханжей и кликуш, это была самая красноречивая и внушительная проповедь из всех, какие были произнесены в храме за целое столетие. По-моему же, остроумец и ханжи одинаково были правы.

Глава шестнадцатая

Видение Мангогула

В то время как все были заняты болтовней сокровищ, в государстве возникли новые волнения. Они были вызваны употреблением «пенума», т. е. маленького кусочка сукна, который накладывали на умирающих. Старинный ритуал требовал, чтобы его клали на рот. Реформаторы утверждали, что его следует класть на зад. Страсти разгорелись. Дело готово было дойти до драки, когда султан, к которому взывали обе партии, разрешил в своем присутствии диспут между самыми учеными из их главарей. Вопрос подвергся тщательному обсуждению. Ссылались на традицию, на священные книги и на комментарии к ним. И у той и у другой стороны имелись веские доводы и крупные авторитеты. Мангогул, не зная, к чему склониться, отложил решение вопроса на неделю. По истечении этого срока сектанты и их противники вновь появились перед султаном.

Султан

– Жрецы и священники, – обратился он к ним, – садитесь. Проникнутые сознанием всей важности пункта из учения, вызвавшего между вами разногласия, мы после диспута, происходившего у подножия нашего трона, не перестали взывать к небесам о ниспослании нам озарения. Прошлую ночь, в час,

когда Брама открывает свою волю любимцам, мы имели видение. Мнилось, мы слышали беседу двух важных лиц, из которых одно считало, что у него посреди лица два носа, а другое, что у него две дыры на зад. Вот что они говорили. Первым высказалось лицо с двумя носами:

«То и дело ощупывать себе зад рукой – вот смешной тик...»

«Правда».

«Не можете ли вы от него избавиться?»

«С неменьшим трудом, чем вы от двух носов...»

«Но мои два носа вполне реальны. Я вижу их, я их ощупываю. И чем больше я рассматриваю и трогаю, тем больше убеждаюсь в их реальности... А вот вы уже десять лет, как ощупываете себя и всякий раз обнаруживаете, что зад у вас такой же, как и у всех. И вам уже давно следовало бы излечиться от вашей мании»...

«Моей мании? Нет, двуносый человек, безумец – это вы».

«Довольно споров! Оставим это. Я уже сказал вам, каким образом у меня появился второй нос. Расскажите и вы мне историю вашего второго отверстия, если только помните...»

«Еще бы мне не помнить! Такие вещи не забываются. Это было тридцать первого числа, между часом и двумя ночи».

«Ну и что же?»

«Постойте... Простите... Я боюсь, что... Нет, нет... Как ни мало я знаю арифметику, но, кажется, правильно вычислил».

«Это очень странно. Итак, в эту ночь?»

«В эту ночь я услышал знакомый мне голос, кричавший: „Помогите! Помогите!“ Я осмотрелся и увидел молодое создание, перепуганное и растрепанное, которое

бежало ко мне со всех ног. Его преследовал угрюмый, свирепый старик. Судя по его одежде и по инструменту, которым он был вооружен, это был столяр. На нем была рубаха и короткие штаны. Рукава рубахи были засучены до локтей, руки жилисты, лицо смугло, лоб покрыт морщинами; щеки одутловатые, на подбородке растительность, глаза сверкающие, грудь волосатая; на голове – остроконечный колпак».

«Представляю себе его».

«Женщина, которую он уже настигал, продолжала кричать: „Помогите! Помогите!“, а преследовавший ее столяр твердил: „Не удерешь! Я тебя поймал! Теперь уж не скажут, что у одной тебя его нет. Клянусь всеми дьяволами, ты тоже его получишь!“ В этот момент несчастная оступилась и упала ничком, все еще крича: „Помогите! Помогите!“, а столяр прибавил: „Ори, ори, сколько хочешь, но у тебя оно будет все равно, маленькое или большое, – уж за это я ручаюсь!“ Тотчас же он задирает ей юбку и обнажает зад.

Этот зад, белый как снег, жирный, упругий, круглый, пухлый, толстый, как две капли воды походил на зад жены верховного жреца».

Жрец

Моей жены?

Султан

А почему бы и нет?

Человек с двумя дырами прибавил: «Это была в самом деле она, я узнал ее. Старый столяр поставил ногу ей на крестец, наклонился, провел руками по ее бедрам до самого места расхождения ног, пригнул ей колени к животу и приподнял ей зад так, что я вдоволь мог его разглядеть; созерцание доставляло мне удовольствие, хотя из-под юбок раздавался голос, кричавший: „Помогите! Помогите!“ Вы подумаете, вероятно, что я жестокий, безжалостный человек, но я не хочу казаться лучше, чем я есть, и признаюсь, к моему стыду, что в эту минуту испытывал больше любопытства, чем сострадания, смотрел во все глаза и не думал ей помогать».

Великий жрец снова прервал султана:

- Государь, уже не я ли – один из собеседников?

- А почему бы и нет?

- Человек с двумя носами?

- Почему бы и нет?

- А я, – прибавил глава новаторов, – человек с двумя дырами?

- Почему же нет?

«Мерзавец столяр взял свой инструмент, который он перед тем положил на землю. Это был коловорот. Он взял терку в рот, чтобы ее увлажнить, затем уперся рукояткой себе в живот, и, наклонившись перед несчастной, все еще кричавшей: „Помогите! Помогите!“, собирался проделать ей отверстие там, где их должно быть два и где у нее было только одно».

Жрец

Это не моя жена.

Султан

«Внезапно столяр прервал свою операцию и, словно одумавшись, сказал: „Каких дел я чуть было не натворил! Но она сама виновата. Почему не согласиться добровольно? Сударыня, минуточку терпения“. Он положил на землю коловорот и вытащил из кармана бледно-розовую ленту. Большим пальцем левой руки он приложил ее к кончику дамы и, сделав из ленты желобок, ребром другой руки уложил между ягодицами, доведя до низа живота. Дама продолжала кричать: „Помогите! Помогите!“, барахталась, отбивалась, вертелась во все стороны, пытаясь сбросить ленту и расстроить приготовления столяра. А он говорил: „Сударыня, погодите кричать. Ведь я вам еще не причинял боли. Невозможно действовать осторожнее моего. Если вы будете тормозиться, получится черт

знает что, и вся вина ляжет на вас. Все должно быть на своем месте. Надо соблюдать известные пропорции. Это важнее, чем вы думаете. Еще минута, и уже ничего нельзя будет поделывать, вы сами будете в отчаянии“».

Жрец

И вы все это слышали, государь?

Султан

Да, как слышу вас.

Жрец

А что же женщина?

Султан

«Мне показалось, – прибавил говоривший, – что ему почти удалось ее уломать; судя по расстоянию между ее пятками, я думал, что она уже решается на операцию. Не знаю, что она говорила столяру, но вот что он ей отвечал: „Как, только из-за этого? Ах, как трудно уговорить женщину!“ Закончив свои приготовления, мастер Анофор разостлал бледно-розовую ленточку на линейке и, взяв карандаш, спросил даму: „Какое вы хотите?“»

«Я вас не понимаю».

«В античных пропорциях или в современных?»

Жрец

О глубина небесных велений! Это было бы безумием, если бы не было откровением. Да покорится наш разум и да преклонимся благоговейно.

Султан

«Не помню, что ответила дама, но столяр возразил ей: – Честное слово, она порет чушь. Это будет ни на что не похоже. Скажут: „что за осел продырявил ей зад?“»

Дама

«Довольно болтать, метр Анофор. Делайте, что я вам говорю...»

Анофор

«Делайте, что я вам говорю. Но каждому человеку дорога честь, мадам».

Дама

«Я этого хочу, говорю вам. Хочу, хочу...»

Столяр хохотал во всю глотку, и я, как вы думаете, сохранял ли я серьезность? Между тем Анофор начертил на ленте какие-то линии, поместил ее там, где прежде, и воскликнул: «Мадам, это невозможно, это противоречит здравому смыслу. Всякий, кто увидит ваш зад, если только он понимает в этом деле, станет насмехаться над вами и надо мной. Всем известно, что между этим и тем должен быть известный промежуток, но он никогда не бывает так велик. Что слишком, то слишком. И вы все-таки этого хотите...»

Дама

«Ну да, хочу, и давайте кончать...»

В тот же миг метр Анофор берет карандаш, наносит на ягодицы дамы линии, соответствующие тем, что он начертил на ленте. Он чертит квадрат, пожимая плечами и бормоча себе под нос: «Что за дурацкий вид это будет иметь. Но такова ее фантазия». И вооружившись снова коловоротом, он спросил: «Итак, сударыня хочет, чтобы оно было там?»

«Да, там. Делайте же...»

«Послушайте, сударыня».

«Что еще?»

«В чем дело? Дело в том, что это невозможно».

«Почему же?» – «Да потому, что вы дрожите и сжимаете ягодицы. Я упустил чертеж и сделаю отверстие чересчур высоко или чересчур низко. Мужайтесь, сударыня!»

«Вам легко говорить. Покажите мне вашу перку... Господи помилуй!»

«Клянусь вам, что это самая маленькая в моей мастерской. Пока мы с вами разговариваем, я успел бы уже проделать полдюжины отверстий. Раздвиньте же ноги, сударыня. Хорошо. Еще немножко, еще немножко. Великолепно. Еще, еще!» И вот я увидел, как коварный столяр тихонько приблизил к ней свой коловорот. Он уже собирался, когда внезапно мной овладела ярость, смешанная с жалостью. Я рванулся вперед, хотел прийти на помощь пациентке, но почувствовал, как чьи-то могучие руки связали меня по рукам и ногам, и, не в силах пошевелиться, я крикнул столяру: «Разбойник, злодей, стой!» Мой крик сопровождался таким отчаянным усилием, что связывавшие меня узы порвались. Я бросился на столяра и схватил его за горло. «Кто ты, – спросил он меня, – чего тебе надо? Разве ты не видишь, что у нее нет отверстия в зад? Узнай же: я великий Анофор, я делаю отверстия тем, у кого их нет. Я должен сделать ей отверстие, такова воля пославшего меня. За мною придет другой, могущественнее меня. У него не будет коловорота. У него будет долото, и он восстановит то, чего ей недостает. Изыди, оглашенный. Или, клянусь моим коловоротом или долотом моего преемника, я тебе...»

«Что – мне?»

«Тебе, да, тебе!..» – В этот момент он левой рукой с шумом потряс в воздухе своим инструментом.

Тут человек с двумя отверстиями, которого вы до сих пор слушали, сказал человеку о двух носах:

«Что с вами? Вы удаляетесь?»

«Я боюсь, как бы вы, жестикулируя, не сломали один из моих носов. Продолжайте».

«Не помню, на чем я остановился».

«Вы упомянули об инструменте, которым столяр производил шум в воздухе...»

«Он ударил меня наотмашь правой рукой по плечу, – с такой силой, что я упал ничком. Вот моя рубашка задрана, обнажен зад, и ужасный Анофор угрожает мне острием своего инструмента и говорит: „Проси пощады, бездельник. Проси пощады, или я тебе сделаю второе...“

Тотчас же я ощутил холод от прикосновения перки коловорота. Меня охватил ужас, и я проснулся. С тех пор я считаю, что у меня две дыры в зад».

– Тут оба собеседника, – прибавил султан, – принялись насмехаться друг над другом.

«Ха, ха, ха. У него две дыры в зад!»

«Ха, ха, ха. Это футляры для твоих двух носов!»

Затем, важно повернувшись к собранию, султан прибавил:

– И вы, жрецы, и вы, служители алтарей, вы тоже смеетесь. А между тем, как часто считают люди, что у них два носа на лице, и смеются над теми, которые утверждают, что у них две дыры в зад».

Он помолчал с минуту, лицо у него посветлело, и, обращаясь к главарям секты, он спросил, что они думают о его видении.

– Клянемся Брамой, – отвечали они, – таких глубоких истин небо не открывало еще ни одному из пророков.

– Поняли вы что-нибудь?

– Нет, государь.

– Что вы скажете об этих собеседниках?

– Что они безумцы.

– А что, если бы им пришла фантазия сделаться вождями партии и если бы секта, признающая две дыры в зад, стала преследовать секту, признающую два носа?

Жрецы и священники опустили глаза, а Мангогул продолжал:

– Я хочу, чтобы мои подданные жили и умирали, как им заблагорассудится. Я хочу, чтобы пенум клали или на уста, или на зад, смотря по их желанию, и чтобы меня больше не беспокоили такой ерундой.

Жрецы удалились, и на соборе, собравшемся несколько месяцев спустя, было объявлено, что видение Мангогула будет включено в состав канонических книг, к украшению которых оно и послужило.

Глава семнадцатая

Намордники

В то время как брамины вещали от лица Браммы, устраивали шествия с идолами и призывали народ к покаянию, многие в Банзе стали придумывать, какие бы извлечь выгоды из болтовни сокровищ. Большие города кишат людьми, которых нищета делает изобретательными. Они не воруют, не мошенничают, но являются по отношению к мелким ворах тем же, чем те к заправским мошенникам. Они знают все, умеют все, разрушают все. Они шмыгают взад и вперед, всюду умеют прокрасться. Их можно встретить в городе, в суде, в церкви, в театре, у куртизанок, в кафе, на балу, в опере, в академиях. Они будут всем, чем вы захотите. Если вы хлопчете о пенсии, у них есть ход к министру; если вы ведете тяжбу, они будут хлопотать за вас; любите играть – они станут вашими банкометами; любите хороший стол – они станут вашими поставщиками;

любите женщин – они проведут вас к Амине или Акарисе. У какой из этих двух вы предпочтете купить болезнь? Выбирайте. Когда вы ее схватите, они озаботятся о вашем выздоровлении. Их главное занятие – подстергать смешные стороны у обывателей и пользоваться их глупостью. По их наущению раздают на углах улиц, у дверей храмов, у входа в театр бумажки, которые бесплатно осведомляют вас, что некто, живущий в Лувре, в Сен-Жан, в Тампле или в аббатстве под такой-то вывеской, на таком-то этаже, дурачит людей у себя дома от девяти часов утра до полудня, а остальное время дня в городе.

Как только сокровища заговорили, один из этих пройдох наполнил все дома Банзы маленькими печатными листками следующего вида и содержания.

Заглавие, напечатанное крупными буквами, гласило:

К СВЕДЕНИЮ ДАМ

Внизу мелким шрифтом стояло:

С разрешения монсеньора великого

сенешала и с одобрения гг. членов

Королевской академии наук.

А дальше следовало:

«Господин Эолипиль, член Королевской академии Банзы, королевского общества Моноэмуги, Императорской академии Биафары, Общества любителей Лоанго, общества Камюра в Мономотапе, института Эрекко и королевских академий Белеганцы и Анголы, который в течение нескольких лет читает лекции по эрундистике и стяжавший одобрение двора, города и провинций, изобрел для удобства прекрасного пола намордники или портативные кляпы, которые лишают сокровища возможности говорить, не стесняя их естественных функций. Они чисты и удобны; имеются – всех размеров, на все возрасты, на все цены. Он

имел уже честь снабдить ими особ, занимающих высокое положение».

Самое главное – принадлежать к какой-нибудь корпорации; как бы ни было нелепо изобретение, его расхвалят, и оно будет иметь успех.

Так случилось и с выдумкой Эолипиля. К нему ринулись целые толпы. Легкомысленные женщины приезжали в собственных экипажах; благоразумные воспользовались фиакрами; ханжи послали своего духовника или лакея; среди этих лиц видели даже монастырских привратниц. Всем хотелось иметь намордник. От герцогини до буржуазки не осталось ни одной женщины, которая не приобрела бы его, следуя моде или по серьезным основаниям.

Брамыны, объявившие болтливость сокровищ наказанием свыше и ожидавшие от этого исправления нравов и всяких благ для себя, не могли без содрогания смотреть на орудие, которое отвращало небесную кару и обманывало их Надежды.

Не успели они сойти с кафедр, как снова взобрались на них, разразились молниями и громами, заставили вещать оракулов и провозгласили намордник адским изобретением, прибавив, что нет спасения той, которая к нему прибегнет.

– Светские женщины, бросьте ваши намордники, – вопияли они, – покоритесь воле Брамы! Предоставьте голосу ваших сокровищ быть голосом вашей совести и не стыдитесь сознаться в проступках, которые совершали без стыда.

Но тщетно вопили они: намордники продолжали существовать, как и платья без рукавов и стеганные шубы. На этот раз брамыны понапрасну простуживались в церквах. Все покупали кляпы и расставались с ними только тогда, когда убеждались в их бесполезности или когда они надоедали им.

Глава восемнадцатая

Путешественники

Таково было положение дел, когда после долгого отсутствия, сопровождавшегося значительными издержками и неслыханными трудами, появились при дворе путешественники, которых Мангогул посылал в отдаленные страны стяжать мудрость. Он держал в руках их дневник и на каждой строчке разражался хохотом.

– Что это вы читаете такое забавное? – спросила Мирзоза.

– Если это, – отвечал он, – такие же вральи, как другие, то, по крайней мере, они забавнее других. Присядьте на эту софу, я хочу угостить вас рассказом о таком употреблении термометров, о каком вы не имеете понятия.

«Я обещал вам вчера, – сказал мне Сиклофил, – интересное зрелище»...

Мирзоза

Кто этот Сиклофил?

Мангогул

Это житель острова.

Мирзоза

Какого острова?

Мангогул

Не все ли равно?

Мирзоза

Но к кому он обращается?

Мангогул

К одному из моих путешественников.

Мирзоза

Значит, ваши путешественники вернулись?

Мангогул

Конечно. А вы этого не знали?

Мирзоза

Не знала.

Мангогул

Давайте договоримся, моя королева: иногда вы корчите из себя невинность. Я разрешаю вам уйти, как только мое чтение смутит вашу стыдливость.

Мирзоза

А если я уйду сейчас?

Мангогул

Как вам угодно.

Я не знаю, осталась ли Мирзоза или ушла. Но Мангогул, возвращаясь к речи Сиклофила, прочел следующее:

«Говоря о занимательном зрелище, я имел в виду наши храмы и то, что в них происходит. Продолжение рода – предмет, на котором политика и религия у нас сосредоточивают свое внимание; и способ, каким это у нас делается, достоин

вашего внимания. У нас также есть рогоносцы. Не так ли называются и на вашем языке те, чьи жены позволяют другим мужчинам ласкать себя. Итак, у нас имеются рогоносцы, их столько же и даже больше, чем в других странах, хотя мы принимаем бесконечные предосторожности, чтобы супруги хорошо подходили друг к другу».

– Значит, вам известен секрет, – сказал я, – какого мы не знаем или каким мы пренебрегаем, а именно хорошо подбирать супругов?

– Не совсем так, – возразил Сиклофил. – Наши островитяне созданы для счастливых браков, если неукоснительно следуют установленным законам.

– Я не совсем понимаю вас, – заметил я, – потому что в нашем мире ничто так не согласуется с законами, как браки; а между тем они часто бывают неразумны и несчастливы.

– Хорошо, – прервал Сиклофил, – я сейчас поясню. Но как! Вы живете среди нас больше двух недель и не знаете еще, что сокровища мужское и женское у нас бывают разнообразного вида? На что употребили вы свое время? Эти сокровища от начала века были предназначены действовать совместно. Женское сокровище в форме гайки предназначено мужскому – в форме винта. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – ответил я, – это соответствие форм может до известной степени играть роль. Но я не считаю его достаточным для соблюдения брачной верности.

– Чего же вы хотели бы еще?

– Я хотел бы, чтобы в стране, где управляют по законам геометрии, было обращено внимание на соответствие температуры у брачующихся. Неужели вы хотите, чтобы брюнетка восемнадцати лет, живя, как бесенок, крепко держалась за шестидесятилетнего, холодного, как лед, старика? Это невозможно, хотя бы у этого старика сокровище было бы в форме бесконечного винта...

– Вы не лишены проницательности, – сказал Сиклофил. – Знайте же, что мы это предвидели...

– Каким образом?

– Благодаря долгим и хорошо проверенным наблюдениям над рогоносцами.

– И к чему привели вас эти наблюдения?

– К определению необходимого соотношения температур у супругов.

– А когда оно было установлено, что было дальше?

– Дальше – приготовили термометры для женщин и для мужчин. Формы их различны. Женский термометр похож по виду на мужское сокровище около восьми дюймов длины и полутора дюйма в диаметре. А мужской термометр в главной своей части напоминает полый сосуд таких же размеров. Вот они, – сказал он, вводя меня в храм, – эти искусно придуманные аппараты, действие которых вы сейчас увидите, так как стечение народа и присутствие жрецов возвещают, что настал момент священных испытаний.

Мы с трудом пробрались сквозь толпу и вошли в святилище, где вместо алтарей стояли два ложа, покрытых шелковой узорчатой тканью и ничем не завешенных. Жрецы и жрицы стояли в молчании, держа термометры, вверенные им, как священный огонь весталке. Под звуки гобоев и волынок приблизились две четы любящих в сопровождении родителей. Они были обнажены, и я увидел, что сокровище одной из девушек было круглой формы, а у ее жениха – цилиндрической.

– В этом нет ничего необыкновенного, – сказал я Сиклофилу.

– Посмотрите на двух других, – ответил он мне.

Я перенес на них взгляд. Сокровище молодого человека имело форму параллелепипеда, а у девушки – квадрата.

– Будьте внимательны к священнодействию, – прибавил Сиклофил.

Затем двое жрецов положили одну из девушек на алтарь; третий приладил к ней сакральный термометр; верховный жрец внимательно наблюдал, до какого

градуса поднимется жидкость в течение шести минут. В то же время молодой человек был положен на другую постель двумя жрицами. А третья приспособила к нему термометр. Верховный жрец, заметив, что термометры у обоих поднялись в одно и то же время, объявил брак прочным и отослал супругов соединиться в родительский дом. Женское четырехугольное сокровище и мужской параллелепипед были испытаны с неменьшей строгостью и точностью. Но верховный жрец, внимательно следивший за поднятием температуры, заметил, что она у юноши на несколько градусов меньше, чем у девушки: этим нарушалась установленная норма, потому что законом были указаны известные пределы. Он поднялся на кафедру и объявил, что испытываемые негодны к супружескому акту. Брачный союз им воспрещен светскими и церковными законами, карающими кровосмешение. Кровосмешение на этом острове не считается пустячной вещью. Настоящий грех против природы – сближение сокровищ разного пола, фигуры которых не могут быть вписаны одна в другую или описаны одна около другой.

Предстояла еще одна свадьба. Это была девушка, сокровище которой оканчивалось равноугольной фигурой с нечетным числом сторон, и молодой человек с пирамидальным сокровищем, так что основание пирамиды могло быть вписано в многоугольник девицы. Им были поставлены термометры, и после того как несоответствие температур было признано незначительным, верховный жрец объявил случай имеющим право на льготу и разрешил брак. Так же он поступил, когда дело шло о женском сокровище с нечетным числом сторон, которого домогалось мужское – призматической формы, причем температура оказалась почти одинаковой.

При самом малом знании геометрии легко понять, что на этом острове достигли высокого совершенства в измерении поверхностей и объемов, и все, что известно о фигурах различных типов, применялось там весьма тщательно, в то время как у нас все эти открытия еще ждут своего приложения. Девушки и юноши с круглыми и цилиндрическими сокровищами считаются счастливо рожденными, потому что из всех фигур круг заключает в себе наибольшее пространство при той же длине замыкающей линии.

Между тем жрецы продолжали совершать обряды. Глава их вызвал меня из толпы, сделав мне знак приблизиться. Я повиновался.

– О чужеземец! – обратился он ко мне. – Ты был свидетелем наших священных мистерий. И ты видишь, какую тесную связь имеет у нас религия с

общественным благом. Если бы твое пребывание здесь продлилось, ты, без сомнения, познакомился бы с более редкостными и своеобразными случаями. Но, может быть, неотложные обстоятельства призывают тебя в твое отечество. Поезжай и поведай о нашей мудрости твоим согражданам.

Я сделал глубокий поклон, а он продолжал в таких выражениях:

– Если случится, что сакральный термометр будет таких размеров, что не подойдет для молодой девушки (редкостный случай, хотя за двенадцать лет их было пять), тогда один из моих сослужителей готовится к таинству, и в это время весь народ молится. Ты должен угадать без моего объяснения те качества, какие необходимы для вступления в сан жреца и на основании чего совершается посвящение.

Чаще случается, что термометр не подходит для юноши, потому что его нерадивое сокровище не поддается испытанию. Тогда все взрослые девушки острова могут приблизиться для воскрешения мертвеца. Это называется говеть. Девушку, которая проявляет при этом усердие, считают благочестивой, и она подает остальным пример. Поистине, о чужеземец, – продолжал он, пристально взглядываясь в меня, – все на свете условно – мнения так же, как и предрассудки. Преступлением называете вы то, что у нас считается поступком, приятным для божества. У нас считалась бы достойной порицания девушка, которая достигла бы тринадцати лет, не приблизившись к алтарям, и ее родители осыпали бы ее за это справедливыми упреками.

Если перезрелая или плохо сложенная девушка подвергает себя испытанию термометром и жидкость в нем не подымается, она может идти в монастырь. Но в нашей стране случается так же часто, как и в других странах, что девушки потом раскаиваются, и, если б их вновь привели к термометру, жидкость в нем поднялась бы так же скоро и так же высоко, как при испытании любой женщины. А потому некоторые даже умирали от отчаяния. На этой почве возникали тысячи злоупотреблений и скандалов, о которых я не упоминаю. Чтобы прославить свой понтификат, я опубликовал норму, где определяется время, возраст и количество раз, какое девушка может быть термометризована, прежде чем произнести обет, и где указаны кануны и дни, благоприятные для произнесения обетов. Я встречаю много женщин, которые благодарят меня за мудрость моих постановлений и чьи сокровища вследствие этого принесены мне в жертву; но эти незначительные права я предоставляю своему духовенству.

Девушка, которая заставляет жидкость термометра подниматься на такую высоту и с такой быстротой, какая недоступна ни одному мужчине, признается куртизанкой, – положение весьма почтенное и очень на нашем острове чтимое. Нужно тебе знать, что у каждого из наших сановников есть своя куртизанка, как и у каждой знатной женщины – свой геометр. Обе эти моды одинаково благоразумны, хотя последняя начала уже проходить. Если молодой человек, потасканный, слабый от рождения или испорченный колдовством, оставляет жидкость термометра недвижимой, он осуждается на безбрачие. Напротив, если жидкость поднимается до такой высоты, какая недоступна ни одной женщине, он принужден стать монахом, вроде кармелита или францисканца. Они служат прибежищем некоторых лицемеров, которых не могут удовлетворить услуги мирян.

– О, как много, – воскликнул он, поднимая глаза и руки к небу, – утратила церковь из своего прежнего великолепия!

Он хотел продолжать, но священник, заведующий подающими, прервал его:

– Монсеньор, ваше великожречество не замечает, что служба кончена и что ваше красноречие остудит обед, на который вы приглашены.

Прелат остановился, дал мне поцеловать свой перстень; мы вышли из храма вместе с остатком народа, и Сиклофил, развивая ту же тему, сказал мне:

– Великий жрец не все вам открыл, он не упомянул ни о замечательных случаях, происшедших в нашей стране, ни о занятиях ученых женщин. Однако эти вещи достойны вашего любопытства.

– По-видимому, вы можете удовлетворить его, – отвечал я. – Ну, какие же это случаи и какие занятия? Касаются они также браков и сокровищ?

– Вот уже тридцать пять лет, – отвечал он, – как на острове замечается недостаток мужских цилиндрических сокровищ. Все женские сокровища круглого типа стали жаловаться на это и подали в государственный совет докладные записки и прошения, в которых излагали свои нужды. Совет, всегда руководящийся высшими соображениями, не отвечал в течение месяца. Вопли сокровищ стали подобны тем, какими голодный народ требует хлеба. Сенаторы

назначили, наконец, депутатов для того, чтобы расследовать дело и доложить о нем собранию. Это длилось еще месяц. Вопли удвоились. И близок уже был открытый бунт, когда в Академию явился один ювелир, человек очень искусный. Были произведены опыты, увенчавшиеся успехом, и после отзыва членов комиссии, с разрешения начальника полиции, ювелир был снабжен грамотой, дающей ему привилегию в течение двадцати лет обслуживать сокровища круглого типа.

Следующий случай заключался в недостатке женских сокровищ многоугольного типа. Были приглашены все художники для устранения этого бедствия. Были объявлены премии. Было изобретено множество аппаратов, некоторые из которых удостоились наград.

– Вы видели, – прибавил Сиклофил, – что сокровища наших женщин бывают различной формы. Но они сохраняют неизменной ту форму, которую получили при рождении. Так ли обстоит дело у вас?

– Нет, – отвечал я, – женское сокровище, европейское, азиатское или африканское, имеет форму, изменяющуюся до бесконечности – *cujus libet figurae sарax, nullius tenax*[16 - Может принимать любую форму, но не сохраняет ни одной (лат.).].

«– Значит, объяснение, какое дали наши физики явлению этого рода, правильно, – сказал он, – двадцать лет тому назад появилась на острове одна молодая брюнетка, очень любезного нрава. Никто не понимал ее языка; но когда она изучила наш, она ни за что не хотела открыть, где ее отечество. Между тем ее грация и привлекательные свойства ума очаровали многих из нашей знатной молодежи. Некоторые из богачей предлагали ей вступить с ними в брак. Она остановила свой выбор на сенаторе Колибри. В назначенный день, следуя обычаю, их повели в храм. Прекрасная чужеземка, распростертая на алтаре, представила глазам изумленных зрителей сокровище, не имевшее никакой определенной формы; в термометре, ей поставленном, жидкость поднялась сразу на сто девяносто градусов. Верховный жрец тут же объявил, что ее сокровище ставит обладательницу его в разряд куртизанок, и влюбленному Колибри было отказано в женитьбе на ней. Не имея возможности обладать ею, как женой, он взял ее в любовницы. Однажды, когда она почувствовала себя вполне удовлетворенной, она призналась ему, что родилась в столице вашей империи. Это очень возвысило наше мнение о ваших женщинах».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Софа» (1745) и «Танзай и Неадарне» (1732) – романы французского писателя Клода Кребийона-сына (1707–1777); «Исповедь» – «Исповедь графа де ***» (1762) – роман Шарля Дюкло (1704–1772).

2

Гаруспики – жрецы Древнего Рима, предсказывавшие будущее по внутренностям животных.

3

Желиот Пьер (1711–1782) – оперный певец, исполнитель главных партий в операх Жана Филиппа Рамо (1683–1764), Жана Жозефа Кассанеа де Мондонвиля (1711–1772) и др.

4

Камальдул – камальдулы или камальдолиты – члены монашеского ордена со строгим уставом, основанного в начале XI в. бенедиктинским монахом св. Ромуальдом (ум. в 1027) в камальдольской долине близ итальянского города Ареццо.

5

Согласно поверью, кольцо и ключ святого Губерта, епископа Льежского, предохраняли от бешенства.

6

Каваньола – азартная игра, напоминающая бириби и лото.

7

Остров Жонкиль – Место действия в романе Кребийона-сына «Танзай и Неадарне».

8

Николь Пьер (1625 или 1628–1695) – французский теолог и моралист, автор трактатов «Опыты о морали» и «Логика Пор-Рояля»; последний написан в соавторстве с янсенистом Антуаном Арно (1612–1694).

9

Моноэмуги – на географических картах XVIII в. королевство Моноэмуги располагалось к северо-востоку от Конго. В романе Дидро ему соответствуют Северная Германия и Англия.

10

Вихревики – сторонники космогонической концепции Р. Декарта, считавшего, что солнечная система возникла в результате вихревого движения космических частиц.

11

Притяженцы – сторонники физики Ньютона, открывшего закон всемирного тяготения.

12

Утмиутсоль – Жан Батист Люлли (1632–1687), французский композитор, приближенный Людовика XIV; писал музыку к придворным балетным спектаклям.

13

Уремифасолясиутутут – Жан Филипп Рамо (1683–1764), французский придворный композитор; развил созданный Ж. Б. Люлли жанр лирической трагедии. Первый серьезный успех пришел к Рамо в 1738 г. после удачной постановки оперы «Ипполит и Арисия».

14

«Дарданус» – опера Ж. Ф. Рамо, слова Лабрюйера, премьера которой состоялась 19 ноября 1739 г.

15

Лаки – декоративные изделия из дерева, папье-маше, металла и т. п., покрытые лаком. Во Франции XVIII в. большим успехом пользовались украшенные миниатюрами лаки фирмы «Мартен».

16

Может принимать любую форму, но не сохраняет ни одной (лат.).

Купить: <https://tellnovel.com/deni-didro/neskromnye-sokrovischa>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)